

Здесь вас не ждут

Дмитрий Всаген
Книга 2. Хладный холларг

Дмитрий Всатен

Книга 2. Хладный холларг

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Всатен Д.

Книга 2. Хладный холларг / Д. Всатен — «ЛитРес: Самиздат», 2016

На юге Синих равнин, там, где оканчивается Холкуния Чернолесская, но еще нет начала Прибрежью; где Великолесье редет до того, что между деревьями возможно пройти даже конному, расположилось уютное местечко, прозванное Теплым уголком. Эти земли заселены земплепащцами-пасмасами, ценящими покой и размеренность течения жизни. Пасмасы Теплого уголка - особые, непохожие на всех других пасмасов Владии. Они веселы и приветливы и более всего заботятся о том, чтобы их деревенька не теряла первенства в негласном соревновании, которое ведется с соседней деревней. Особую гордость Теплого уголка представляет семья холкунов, которые появились неожиданно и поселились в аккуратном уютном домике Велса Утепаса. В отличие от местных жителей, холкуны мало общаются и, порою, казались местным кумушкам нелюдимыми, оттого и получили прозвище - Молчуны. Отец семейства, Повоз, не любил бывать в городах, к чему приучал и жену – Теллиту, а также детей – Рана, Ира, Бора и Сате. Мерное течение сельской жизни так бы и оставалось нерушимым, если бы однажды Повозу не явилась местная колдунья, предсказавшая беду, которую уготовили ему боги. Повоз не поверил ни одному ее слову, и тогда тот, кто хотел уберечь Молчунов, привел старшего сына Повоза, Рана, к колдунье, дом которой был сокрыт в глубине чащобы. Она поведала Рану о предназначении, которое уготовили боги его роду.

© Всатен Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Молчуны из Теплого уголка

Спелые и оттого тяжелые колосья пшеницы, склонившись долу, будто в раздумье, плавно раскачивались в такт дуновениям жаркого летнего ветерка, долетавшего с Синих равнин. Неведомо как, но ветродуй пробирался сквозь густые леса Пасмасии Прилесской, раскинувшиеся на половину пешего пути между самими равнинами и небольшой низиной, образовавшейся в неведомые времена в среднем течении реки, прозванной местными жителями Ласковкой. Воды реки, даже в самые сильные зимние морозы, согревали руки рыбаков, удивших в ней рыбу. Что говорить о лете! Летом Ласковка привлекала к себе мальчишек со всей округи. Они сбегались к реке поутру, сбредались в полуденный зной и лениво нежились на ее берегах в предзакатный час. Их могли согнать только женщины, приходившие вечером искупаться и постирать белье. Мужчины прибывали к водной глади, когда ночь набрасывала покрывало на восточную половину небосклона. Они снимали тяжелые от пота рубахи, и кидались в воду так, словно бы это были руки любимых женщин. Река нежно принимала их разгоряченные тела и лобызала натруженные мышцы пахарей, кузнецов и ремесленников.

Хотя Теплый уголок – так называли эту низину – и находился в южной части Пасмасии Прилесской, но пасмасы-обитатели этого местечка разительно отличались от своих северных и южных сородичей. Если первые были угрюмы, неряшливы и ленивы, а вторые жуликоваты, неряшливы и ленивы, то пасмасы из Теплого уголка отличались чистоплотностью и знали толк в порядке. Их аккуратные пирамидальные домики, основу которых составляли печи особой конусообразной формы, где по ночам размещалась вся семья, располагались, как правило, под низкорослыми разлапистыми рунбранами – самыми древними деревьями Владии, рощи которых произрастали только в этих местах.

Рунбраны любили воду, а потому часто между их корнями пробивались небольшие ручейки, которые стекали в ближайшую низинку и образовывали там небольшую лужицу или заводь. Чем больше была лужица или заводь, тем древнее был род, который владел домом.

Пасмасы Теплого уголка любили рунбраны. Их любовь была известна на всю округу, а потому и самих их называли рунбранами. Для любого другого слуха, это название не имело никакого значения, и только для пасмасов из местечка Двоедревя рунбраны были ненавистны. Никто не знает, когда началась вражда между ними и из-за чего она началась, но неприятие было. Рунбраны называли своих нелюбимых соседей раздревлями и прибавляли «шумоватые», «тугодумы» и все в таком роде. Раздревли же обзывали рунбранов «ожиревшими слизняками» и «жадными червяками».

С недавних пор, у обитателей Теплого уголка появился еще один повод для гордости. В их краях появилась семья холкунов – извечных городских жителей, чуравшихся пасмасов. Но эта странная семейка не брезговала водиться с ними.

Холкуны прибыли несколько лет назад и поселились в опустевшем доме Велса Утепаса. Велс же распродал своих уток, распрощался с сородичами и отбыл неизвестно куда. Поговаривали, что он влюбился в холкунку из Фийоларга, города, что находился неподалеку, но она его отвергла, и несчастный предпочел бродяжничество уюту собственного дома.

Надо сказать, что жители Теплого уголка любили придумывать небылицы и истории любви, от которых у самого выдумщика на глазах выступали слезы. Жизнь Утепаса или вымысел об Утепаса были созвучны еще дюжине легенд о бывших жителях этих мест.

Холкунов, поселившихся у Утиноного озерца в большом доме с печью древней кладки, часто видели в пределах своего надела и на тракте, ведущем в город. А больше их нигде не видели, ибо семейство вело затворническую жизнь, за что и получило вскоре прозвище Молчунов.

Отец семейства, которого, как слышали кумушки из окрестных домов, звали Повозом, не покидал своей усадьбы, предпочитая всем иным делам, неторопливое копание в земле. Он и его супруга, которую, как слышали окрестные кумушки, прозывали Теллитой, разводили не

только огород, но и уток и кур, а также еще нескольких свиней. Было в Утином озерце и свое пчеловодство, чем рунбраны несказанно гордились, хотя никто из них не разводил пчел.

Повоз и Теллита родили четверых сыновей, коих и лицезрели их соседи. Старшим был Ран, за ним следовал Ир, далее Бор и Сате. Братья мало походили друг на друга, словно бы их не породили, а выискали в разных концах Холкунии.

Ран был кряжист, рус, невысокого роста, но с живыми умными глазами. Он не любил физический труд, а все больше времени проводил в мечтаниях, за что и получал ежедневный нагоняй от отца.

Ир вымахал выше Повоза, который и сам не отличался приземистостью. Косая сажень в плечах, широкая грудь, мощные руки и веселый нрав сделали его любимцем окрестных пасмасов. Его жгучие черные глаза и цвета смолы волосы, то тут, то там вспыхивали по пасмасским деревьям, завлекая в свой омут неосторожных жертв женского пола. Ир не боялся труда и всегда с готовностью принимался за любую работу.

Бор догонял в росте отца, был силен, но тело его старательно скрывало эту особенность. Оно было все, словно бы размякшее. Он был откровенно ленив и слегка туп, но добр и по-детски наивен. Днями напролет он присматривал за домашней живностью и играл на свирели, которую сам и смастерил.

Сате пошел в мать: невысокого роста, хрупкого телосложения, с миловидным почти женским личиком, он был ее любимцем, а потому больше времени проводил в доме, чем среди братьев и их друзей. Он пристрастился к мечтаниям и развлекал домочадцев своими выдумками, рассказывая им разные истории.

Солнце медленно клонилось за Черный рунбран на горизонте, который вот уже много столетий принимал в свою крону дневное светило. Солнце провожали все пасмасы. Они кланялись ему и славили в голос прошедший день.

Вечерело.

Теллита открыла массивную деревянную дверь в небольшой внутренний дворик, образованный зарослями одомашненной дукзы, приносившей сладкие плоды в виде дольчатых капель. Посреди дворика стоял небольшой стол, за которым семья каждый вечер собиралась на ужин. Женщина вытащила из дома чистую скатерть, накрыла ею стол, старательно выравнивая уголки, и поставила посередине большую кринку с медовой водой, фирменным напитком семьи Молчунов, от которого соседи-пасмасы заходились в неистовом восторге. Через некоторое время на скатерти появилось несколько пышущих жаром хлебцев, кринки с вареными кореньями, куриным жарким и паштетом из утиной печени. Свежая зелень радовала глаз, обрамляя все это съестное великолепие.

– Ран! – закричала мать. – Ир! Бор! Повоз! Вечерить! Сате, иди вечерить!

Муж Теллиты тяжело зашевелился в огороде. Он и Ир ворочали застарелый пень, корчевание которого отняло у них больше половины дня. Оба были грязны и потны. Ран стоял подле них и, что было сил, тянул за веревку, таща пень на себя.

Наконец, коряга поддалась и нехотя поползла туда, куда ее тянули. Все трое тут же облегченно выдохнули и уселись на землю.

– Доброго вам вечерочка, Повоз. Света вам Владыки и сил. – Проходивший мимо пасмас кивнул им, приложив руку ко лбу.

– И тебе, Рытник, доброго вечерочка. – Отец был благодушен, пень сделал ему радость.

– Повоз! Сыны-ы-ы! – Крик матери поднял мужчин на ноги.

– Подложите вот, – мать протянула им мешковину, – не то грязные да запачкаете все.

– Не тараторь. Обмоемся.

– А как же кушать?

– Ничего, потерпим. – Отец дал знак сыновьям идти к Утиному озерцу. Оно находилось в десяти шагах от их дома. – Обмелело, смотри, – удивился Повоз. Обычно, к вечеру озерцо

наполнялось водой доверху. – Бор, – окликнул отец среднего сына, дремавшего у подножия рунбрана. Мальчика со всех сторон обступили утки. Они усаживались подле него и на него, готовясь отойти ко сну, – поди к нам. Вечерить надобно.

Бор засопел, нехотя поднялся и побрел к братьям и отцу.

Все четверо облились из ушата, лежавшего поблизости, и поспешили к дому, где мать уже держала наготове их вечерние рубахи.

– На сход зазывают, – напомнила Теллита, но умолкла по движению бровей мужа, поняв, что ему про это говорить не хочется. – Сколь жалко мне, что хотя бы одну девку не родила, – вздохнула женщина. – И поговорить не с кем.

– Поговоришь, скоро, – буркнул Повоз сквозь жевание. – Ран пойдет в ларг. С ним и тебя отпускаю. Просилась ты к тетке, вот и иди. – Новость воодушевила мать неимоверно. Она тут же простила мужу все неудобства деревенской жизни и надолго задумалась. Затем, быстро доела и ушла в дом. По тому, как оттуда донесся скрип петель, мужчины догадались, что она открыла один из сундуков. – Нарядиться теперь будет, – хмыкнул Повоз, – тряпье свое разглядывать остаток времени до отъезда. Ты, Ран, слишком много времени на нее не изводи. Завезешь к тетке, да и сразу на рынок иди. Пронвал тебя дюже ждать будет.

Ран кивнул головой, не в силах говорить до отказа набитым ртом.

Он любил ездить в Фийоларг. Это был его родной город. Он родился в его стенах и помнил их запах. И хотя, чаще всего в Фийоларге пахло так, как пахнет при большом скоплении народа, но этот запах был любим юноше.

Отец пристроил его к своему закадычному другу – купцу Пронвалу. Конубл – так прозвали купцов холкуны, был хитрюгой, какого еще свет не видывал. Во всяком предприятии умел он найти свою выгоду. Повоз часто хохотал, поговаривая: «Даже и из плети, одарявшей по спине, Пронвал деб вытянет».

Пронвал совершенно не походил на торговца. Почти все конублы были богаты в животе и талии, но не Пронвал. Конубл более походил на воина, а не на торговца. У пояса его был приторочен топор в полтора локтя длиной и широкий кинжал. С ними купец не расставался даже в постели.

– Доел я, – проговорил Ир и выжидательно посмотрел на отца. Тот сделал знак пальцами, иди, и Ира словно ветром сдуло.

– Не надоело ему? – спросил отец никого. – Ночует по разным домам, дерется... Эхе-хе... Не моя порода. У нас в породе смиренные все. Домовитые... Ну, чего, и ты тоже? – Повоз грозно посмотрел на Рана.

– На Топотный луг мне надобно, батюшка, – признался Ран.

– Поди уж... и этот такой же. – Повоз налил себе медовухи, уже вторую кружку, и захмелел. – А тебя не пуцу, – оборотился он на Бора. – Петь будете со мной.

Ран соскочил со скамьи, побежал в дом, получил нагоняй от матери, надевавшей одно из разложенных платьев: «Выйди вон!» – Мне поясок, матушка. – Получив пояс, бросился бежать к Топотному лугу, где каждый вечер пасмасы устраивали проводы Владыки Яркого и встречали Владыку Темного.

– Как над ларгом,
Да над Фийоларгом,
Свет-Владыка восходил.
Любовался Свет-наш ларгом,
Умилялся нашим ларгом,
Так он говорил...

Песня, затянутая тремя холкунскими глотками понеслась вслед за убегающим Раном.

Ран спешил вовсе не на Топотный луг, он торопился к Ласковке, ибо недавно был принят на службу, о которой мало кто знал.

То был один из знойных летних деньков, когда даже самые выносливые пасмасы-рун-браны не могли дотерпеть до обеда и покидали свои поля. Ран пребывал на реке, гоняя лягушек в камышовых зарослях. Он и сам не заметил, как заплыл глубоко в заросли. Неожиданно, ему открылась небольшая заводь, старательно обойденная стеной камыша. У берега, всегда илистого в таких местах, был выложен дубовый настил, который подпирала шесть хороших ножек, открытых его взору почти до середины бедра.

– Глядите, Эйса, Тиса! – взвизгнула одна из их обладательниц и подола платьев тут же опустились до земли.

– Эка лягушка к нам выплыла! – проговорил еще один голосок.

Ран поднял глаза и обомлел. На него смотрело румяное лицо пасмаски такой красоты, какой он еще не видывал. А рядом с этим лицом маячили еще два точно таких же лица. Три пары зеленовато-серых глаз уставились на него с усмешкой и хитрецей.

– Лягушка-лягушка, а ну-ка квакни, – попросила одна из девушек, и все три залились задорным смехом. – Глядите, лягушка-то нахмурилась.

– Ничего я не нахмурился, – отвечал Ран. Он развернулся и попытался скрыться в камышах, но три тела легко спрыгнули в заводь и быстро нагнали его.

– Хмурая лягушка, – приговаривали девушки, окружив его.

– Чего вы?

– Побежал всем рассказать про наше местечко, про Межкамьшье?

– Про чего?

– Про то, что видел.

– Не буду я рассказывать.

– Не верим мы. Поклянись, что не расскажешь.

– Чего это еще?! Ласковка, что, ваша?

– Ласковка не наша, а Межкамьшье наше.

– Чего это?

– Матушки наши здесь купались, и мы теперь, оттого и наше.

Ран попытался фыркнуть и отплыть, но на него вдруг навалились сзади и окунули с головой.

– Вы чего? – вскричал он, когда вынырнул.

– Не отпустим, пока не поклянешься.

– Не буду я... – И он снова скрылся под водой. Когда его отпустили, он попытался отплыть прочь, не всплывая, но глубина была небольшая, а потому его схватили за ноги и вытащили на поверхность задом вверх, попутно, два раза приложив по нему руками. – Ай! – всплыл Ран и потер зашибленные ягодицы. У местных девок руки были натруженные, сильные.

– Ну, клянись, – потребовали они.

– Клянусь-клянусь, – буркнул парень.

– Ты чего такой странный? – спросила, вдруг, одна из девушек.

– Чего это, странный? – удивился Ран. – Холкун я.

– Про это, нам все равно. Немало вас тут, из Фийоларга. Только, коли нашего пасмаса, али другого холкуна вот так загнать между девами, так он бы тут же руки распустил, а ты бежишь от нас. – Девушки засмеялись. – Лягушка, она и есть!

– Нет, сестрички, коли поклялся он, то не лягушка, а Лягушонок будет, – заговорила вторая. Она неожиданно приблизилась к Рану, положила руки ему на плечи и заглянула своими глазами в его глаза с таким интересом, от которого у Рана закрутило живот. – Зачем нам тебя отпускать? – неожиданно спросила она его. – Зачем? – девушка обернулась к сестрам. – Его отпустим, другой набредет на нас. Так и будем с каждого клятвы брать. Матушка не даром говорит, двое знают – знает и ларг... – Девушка медленно повернулась к Рану. Ее коготки хищно впелись в кожу на его плечах.

– Топить что ли будете? – вырвалась у него мысль.

Сестры захохотали.

– Чего же, топить. Испугался нас, сестрички. И впрямь странной какой-то. – К нему подплыла еще одна девушка и тоже обвилась руками вокруг шеи. – А ты перед нами только такой трусиха или вообще.

Ран зарделся, но потом разозлился, грубо оттолкнул девушек, буркнув: «Вон пошли!» и стал грести прочь.

– Постой! погоди! – Они поспешили за ним. – Прости нас, холкун! Плохие мы, знаем, не уходи! – Сестры снова окружили его и повисли на шее. – Будь с нами! Не оставь! Неподходящие мы, – вырвалось у одной, и Ран ощутил, как две другие вздрогнули.

«Неподходящими» назывались среди пасмасов лишь те, кто преступал законы богов, и те, кто промышлял колдовством. Едва эта мысль посетила его, как и он вздрогнул. Девушки почувствовали это и отпрянули от него, выжидательно смотря ему в глаза.

– Чьи вы? – спросил он.

– Людисы с Вороного корня.

– Не рунбраны вы.

– Нет. Не рунбраны и не раздревли мы. Людисовы мы дочери.

Пасмасы называли себя другим народам по имени местечка, где жили, а между собой различались по имени отца. Материнским именем себя называли лишь дети колдуний – хласит, кои редко, но встречались среди пасмасов. Эти женщины обречены были жизнь коротать в дебрях лесов, без мужчин. Никто не знал, как разрождались они детьми, но и такое бывало. Колдунов среди пасмасов не было, потому, как подобное почиталось за дело мерзопакостное.

– Не та ли Людиса, что скот у рунбрана Соха, сына Тонапа, повывела в прошлый снег?

– Не она то была. Сам скот подох. Матушка спасла телочку единственную, а за это добро Сох ей оглоблями по спине отплатил, – отвечала одна из сестер. Девушки снова замерли, настороженно смотря на холкуна.

– Несправедливо, – согласился он и почесал затылок.

Он не уплыл от них, и за это они отплатили ему пылкой любовью и ухаживаниями, которых не знал, наверное, даже брездский боор, сидящий где-то далеко в Боорбогских горах в своем величественном замке Боорбрезде, а Ран читал, что у боора есть все радости мира.

Девушек звали Эйса, Тиса и Миса, – сестры были хласитами, колдуньями. Правда, как признались ему сами девушки, они знали лишь, как отводить хвори при помощи отваров, но мать обещала выучить их колдовству, едва взойдет три раза какая-то особенная луна. Она взошла уже два раза, а значит, скоро, очень скоро они начнут становиться колдуньями.

Ран подрядился охранять девушек во время купания и много говорил с ними, рассказывая обо всем, что выведал в городе и из уст отца и матери. Истории о городах Владии, о том, что есть вокруг нее, завораживали девушек. Их груди высоко вздымались, когда они слышали о грирниках и саарах, которые правили этими землями много веков назад, и сгубили немало пасмасов и холкунов; их волновали красочные описания битв и величественных дворцов, которые построили брезды; девушки невольно «ойкали», слыша о диковинных чудовищах, живущих в глубине Великолесья и у Доувенских гор, о людомарах и дремсах, которые обитают там же и сражаются с чудовищами.

Никто не слушал Рана с большим вниманием, чем эти три девушки. И, хотя их любовные ласки были хороши, но более всего его влекло к ним их внимание и охотное слушание его речей.

Сбросив с себя одежду, он прыгнул в Ласковку и поплыл. Продираясь сквозь камыши, он улыбался. Он уже приготовил для них очередной рассказ и предвкушал и представлял вид их личиков, благоговейно внимающих ему.

Однако, сестры встретили его отстраненно. Едва он заговорил, как Эйса – она была старшая – остановила его:

– Незачем, – сказала она, – не теперь. – Она помолчала, переглядываясь с Тисой и Мисой. Те кивнули. – Ран из рода Поров, мы пришли сказать тебе, что матушка хочет говорить с тобой, когда Владыка спустится во тьму.

– Хорошо, я буду говорить с ней, – отвечал разочарованный юноша. Честно признаться, он придавал немного значения колдовству пасмасов. Среди холкунов имелось поверье, что пасмасские хласиты – это всего лишь прощелыги, зарабатывавшие на дремучести пасмасов. У холкунов тоже были колдуны – хол-холы, и они были настоящими кудесниками, не чета хласитам.

– Ты будешь?.. – выдохнула Эйса. – Ты согласен? – Она, казалось, сама не верила тому, о чем спрашивала.

– Да. Но зачем я ей понадобился?

– Мы не знаем, – отвечала Миса. – Она не сказала.

– Если ты согласен, то говори с нами, рассказывай, нам любо тебя слушать. – Девушки скинули свои платья, загнали Рана в воду и, взявшись за руки, стали водить вокруг него хоро-вод.

Повоз открыл глаза и повел по сторонам мутным взором. Он с трудом отыскивал в голове отрывки недалекого прошлого. Его глаза все это время буравили скатерть на столе. В уши влетал щебет Теллиты, которая разговаривала с ним, убирая со стола. Сыновей подле него не было. Горло болело от пения.

Холкун потер руками щеки.

– Умаялся ты, любый мой, – жена была в благодушном настроении от предвкушения поездки в город, – дай-ка проведу тебя. – Она подняла его под руку и повела к постели.

– Где... эти?

– Сыны?

– Ыгы...

– Убегли, а Сате в доме...

– Чего это?

– Плачет он. Ты ему затрещину поставил за то, что он плохо пел.

– А? Я? Это правильно. Холкун не может плохо петь. Не должен холкун... – Он не договорил, икнул, и повалился на кровать. Тело тут же обмякло и, будто провалилось в бездонную пропасть. Его качало и кружило, обваливая все ниже и ниже.

Постепенно темнота прояснилась, и Повоз нашел себя сидящим на стуле в доме отца в Фийоларге. Как и всегда, отец мастерил обувь, сидя в дальнем углу комнаты первого этажа их дома, старого, но добротного дома. У Повоза ныл зуб, а потому он всхлипывал, тихо постанывая и посапывая.

– Скоро придет хол-хол, потерпи, – сказал отец, орудуя ножом над голенищем будущего сапога.

Вдруг, Повоз оказался подле двери, какой не помнил в своем доме. Он посмотрел на ее дорогую искусную резьбу и, едва подумал, как дверь тут же отворилась. Из-за нее на него смотрели два громадных желтых глаза. Это были глаза хищника. Дрожь пробежала по телу Повоза. Дверь, внезапно, ушла ему за спину, и холкун стремительно полетел по длинному коридору, ведущему неведомо куда.

Яркая вспышка, и из темноты стали вырисовываться очертания Черного рунбрана. Повоза тянуло к его корням. Он словно прилипал к ним.

Холкун вздрогнул и открыл глаза. Он удивился тому, что бежит. Он не чувствовал бега. Ноги, словно бы жили отдельной жизнью, и сами бежали, зная, куда. Медленно приходя в себя, сознание Повоза брало верх над неведомой силой, гнавшей его куда-то в лес.

Едва он окончательно очнулся, как споткнулся и кубарем покатился по земле. Не вставая на ноги, Повоз медленно оглядывался.

Вдруг, он вздрогнул. До его слуха явственно донеслось: «Приди... приди ко мне!» Мужчина подскочил, словно подброшенный вверх, и бросился бежать, но вскоре остановился, припоминая сон. Привалившись к стволу дерева, он некоторое время постоял, а после сполз вниз.

Прошло много времени прежде, чем он поднялся на ноги и побрел к Черному рунбрану.

Да, он видел это, среди кореньев древа лежало нечто плохо различимое. Повоза тянуло к этому месту. Он со страхом приблизился, и тут же отшатнулся. На него смотрело морщинистое бледное лицо черного мага.

– Чернец, – выдохнул благоговейно Повоз.

Чернец открыл глаза и посмотрел на холкуна. Маг улыбнулся.

– Ты пришел... я рад...

Повоз опустился на колени и уткнулся лбом в землю, с ужасом вдыхая ее влажный аромат. Он ожидал, о чем с ним заговорит черный маг, неожиданно избравший его собеседником.

– Повоз, слушай меня. Беда... беда идет в эти места. Скоро, очень скоро все поменяется. Даже небо изменится. Ты избран, дабы уберечься от беды. Я... я скоро умру... умру за то, что донес эту мысль до здешних мест. Тьма пожирает меня, но вы должны спастись. Возьми, – перед лицом Повоза легла связка палочек, обвитых черным шнурком. От нее пахло холодом, – это уберезет тебя. Отдай их своим детям... по одной... так ты спасешься...

Вороненый корень оказался вовсе не таким местом, каким Ран ожидал его увидеть. Ему представлялась темная чаща, внутрь которой не пробивается ни один лучик солнца; посреди чащи стоит похилившаяся хибарка, внутри которой за густыми занавесями из паутины проживает стародревняя хласита – ужасная видом старуха.

Однако, все оказалось далеко не так. Сестры долго вели его вглубь леса. Под ногами идущих не было и намека на какую-либо тропу. Девушки ориентировались по каким-то иным знакам.

Заметив беспокойство Рана, Эйса шепнула ему: «Мы ходим одной тропкой лишь раз через восемь. Такого пожелание матушки». Она погладила Рана по спине и не мгновение прижалась щекой к его плечу.

Холкун невольно остановился, когда заросли дикой дукзы и рипоя расступились, явив его взору небольшой домик, тепло расположившийся внутри небольшого холма, на вершине которого рос могучий мек. Холмик составлял три стены и крышу дома хласиты; та стена, в которой была дверь и одно небольшое окно, оказалась выложена из бледно-серого камня и массивных брусков, выкрашенных в яркие жизнерадостные цвета. Перед домиком был разбит небольшой сад, усыпанный цветами.

Сестры не могли больше степенно идти подле Рана, и припустились вперед, весело щебеча: «Матушка, матушка!» Овальная дверь была оставлена ими гостеприимно открытой, но Ран все равно некоторое время потоптался подле нее, опасаясь войти.

– Где ты, матушка? – разносилось по нескольким комнаткам, из которых состоял дом. Комнаткам, стены которых были задрапированы искусно вышитыми гобеленами и заставлены цветами.

– Ой и негодницы, шум подняли, – раздалось неожиданно за спиной Рана. Он вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояла миловидная, нестарая еще женщина с добрым лицом, на котором не наблюдалось ни одной бородавки. Ее глаза со смешинкой смотрели на него.

– Чего же ты встал у порога, проходи в дом, милости просим. – Она указала рукой, на которой болталась корзинка с овощами, войти внутрь.

Ран послушно вошел и встал в уголке.

– Владыка нынче не на шутку расстарался. Печет нещадно. Уф! – Женщина, чертами как две капли воды походившая на сестер, отерла пот со лба и поставила корзинку на стол.

– Матушка, – позвали в соседней комнате, – матушка, где ты?

– Уйдите прочь, крикуньи, и порезвитесь подле Желт-камня, – проговорила тихо мать и повела руками. Тут же голые пятки сестер застучали по полу где-то в дальней стороне дома, послышался скрип двери и девушки выпорхнули вон.

– Матушка, где же она? Матушка! – продолжали звать они, удаляясь.

Неожиданно, послышался цокот и к очагу вышел, хромая, капи. Впервые Ран видел этого стремительного зверя, похожего на оленя, так близко от себя. Перед ним стоял детеныш с копытцем, обмотанным тряпкой.

– Уйди и ты, попрошайка, – незлобно сказала женщина, и капи, обижено поводя ушками, удалился.

Колдунья подняла руку, и прямо под ее ногами открылось отверстие в полу. Она спустилась в него и появилась вновь, держа в руках две крынки удивительной формы.

Ран едва не вскрикнул, когда она поставила их на стол и осторожно размотала змей, которые обвилились вокруг крынок. Пройдя к печи, хласита вытащила из нее розовощекий хлеб, аромат которого тут же разлетелся по комнате. Живот холкуна предательски забурчал.

– Проходи, Ран из рода Поров, отведай хлеба и видании. Знаешь ли мое имя?

– Людис ты, Людис с Вороного корня.

Юноша едва не задохнулся, когда вкусил видании, походившей на смесь масла и сметаны. Она была настолько вкусна, что у него продолжали течь слюнки даже, когда он уже начал есть.

– Куда ты их услала, хласита?

– Не опасайся за них. Эти резвицы нигде не пропадут. Лес хранит их, ибо они плоть от плоти его. Как и я. Сейчас они сидят подле Желт-камня и поют свою любимую песню.

– Про тропку на лугу?

Колдунья улыбнулась.

– А и впрямь любишь их, как и они тебя полюбили. Недаром Миса в тот день, как они с тобой повстречаться должны были, сказала им, что любовь ей слышится. Самая способная она из них.

– Так и сказала? Загодя?

– Да. – Хласита, вдруг, помрачнела, и Ран вспомнил, что приглашен сюда вовсе не на трапезу. Он быстро доел ломоть хлеба и отказался от добавки.

Колдунья убрала остатки обратно в печь, аккуратно закрыла ее, поднялась. Она засветела и будто бы с потолка, слетели несколько птиц. Они принялись клевать крошки на столе.

– Ступай за мной, – приказала хласита.

Они вышли вон из дома, прошли очаровательно теплый садик и вышли в лес. Колдунья плыла перед Раном с такой быстротой, что юноше приходилось то и дело переходить на бег вприпрыжку.

Внезапно, Людис остановилась подле рунбрана и обошла его кругом. Жестом она остановила Рана, готового последовать за ней. Колдунья принялась напевать что-то, попутно оглаживая ствол дерева. Потом она вытащила небольшой ножичек и вонзила его в плоть рунбрана. Подняв с земли плоский камень, имевший форму чаши, она подала ее Рану. Юноша держал чашу так, чтобы сок рунбрана набирался в нее.

– Довольно, – сказала хласита и снова полетела вперед.

Ран дивился этой ее способности. Она шла по земле, он видел, но так, что ни платье, ни плечи, ни голова ее не колыхались от ходьбы, как бывает с женщинами. Она словно бы парила.

Они шли еще несколько времени и вышли на маленькую полянку между деревьями, посреди которой стоял небольшой каменный истукан. Своими грозными выпученными глазами он строго оглядывал их.

Ран обошел остановившуюся колдунью и в ужасе заметил, как истукан медленно повернулся в его сторону.

– Ты узнал его, Двадед? – спросила его Людиса. – Я привела его под твои очи. Он ли? – Истукан продолжал смотреть на Рана. У юноши невольно затряслись руки. – Что же ты? Напугал бедняжку. Не бойся его, Ран. Он стар, мудр, но нелюдим. Отодвинь его с места, на котором стоит. – Ран стоял как вкопанный. – Чего же ты медлишь? Иди, он не сделает тебе ничего плохого. – Ран осторожно двинулся к истукану, а тот поворачивался так, чтобы быть всегда обращенным к нему лицом.

Трясушимися руками, юноша приподнял камень и отставил его в сторону. Ему в лицо тут же ударили теплая и холодная струи, исходившие из углубления, в котором стоял истукан.

Людиса подошла и поставила на это место каменную чашу.

Смола рунбрана, набежавшая в нее, – густая зеленовато-оранжевая жидкость, вдруг, вмиг просветлела и стала прозрачной. Хласита положила на нее свою руку, и по поверхности смолы стали расходиться яркие белые волны. Людиса шептала: «Эрех, манра-та лаху ана! Эрех, манра-та лаху ана!» После этого, она молча указала Рану приложить свою руку.

Холкун вздрогнул оттого, что ощутил, как его руку словно бы сжали в тисках.

– Посмотри, – проговорила Людис, поднимая каменного истукана на руки с такой легкостью, словно это была пушинка. Ран несколько смутился, потому что ему камень показался очень тяжелым.

Смола под рукой юноши вмиг почернела

– Неотраженье. Невиденье, – прошептала колдунья. – Верно, но не все еще потеряно. – Она, казалось, разговаривала с камнем. Вдруг, женщина схватила юношу за голову и наклонила его над чашей. Он увидел в ней свое отражение, словно бы на глади воды. – Ты видел, Двадед. О, боги! Да, я сделаю... я ему обскажу... – Она убрала чашу и поставила на ее место истукана.

Обратный путь они прошли молча. Ран шел подавленный. Нехорошие мысли роились в его голове. Он думал о родителях и братьях.

– Не думай о них, Ран из рода Поров. С ними случится плохое, только, когда не слушаешь меня. Коли послушаешь, все будет хорошо.

– Чего же ты про меня сказала? И богов припоминала?

– Доля твоя, – хласита умолкла, подбирая слова, – доля твоя исписана нехорошо. Нельзя подле тебя быть никому. Беда за тобой ходить начала.

– Почему ты знаешь?

– Само пришло ко мне, Двадед молвил, да и рунбран то же сказал про тебя.

– Какая же беда?

– Не знаю, но сила за ней стоит могучая. Сила необоримая. Страшная сила. Как Миса про любовь сказала, я возрадовалась. Нет счастья моим дочерям. Такова доля хласитская. Быть им навек отверженными. Жить им, как и мне, в одиночестве. Полюбила и я тебя, вслед за ними, а кого я люблю, того жизнь в меня тоже литься начинает. Но только не жизнь от тебя в меня полилась, а неотраженье. Едва жизни не лишилась я, упав в него.

– Что это такое, неотраженье?

– Магия. Сильная магия, не колдовство даже. Когда извести хочет маг кого, так он неотраженье первым делом создаст, дабы боги-хранители не видели, что беду он насылает. Я хласита и силы мои малы, но Двадед могуч. Он бережет наш род уже многие зимы. Он встал здесь,

когда боги в единстве были, и правили Владией. И не было еще Ярчайших, не было доуенов. С изначальства Двадед здесь стоит.

Когда же он через меня в неотраженье проник, то сила та и его переборола. Видел ли, али не заметил, но отколыш на нем теперь есть. Вот какая сила за тобой пришла.

– Чего ей от меня надо-то? Чего я сделал-то?

– Не знаю, но дабы сгубить тебя, надобно такой силе жизнь твою порушить так, чтобы озлобился ты. Тогда сам пойдешь к ней, а она тебя примет, и на смерть верную поведет.

– Чего-чего? – Ран остановился и повалился на ствол дерева, не имея сил стоять, обескураженный словами колдуньи.

Хласита продолжала идти дальше, не оглядываясь на его остановку. Юноша набрался сил и последовал за ней. Он даже не заметил, как они вернулись к домику колдуньи, и присели на Желт-камень. – Как она меня губить будет?

– То неведомо никому. Но отныне следи за всем необычным, что происходит будет. Как такое увидишь, то тут же ко мне беги. – Видя, что юноша не понял ни слова, Людис продолжила: – Беда будет при тебе стоять да притягивать к тебе того, кто уведет тебя к ней. Нежданные встречи – бойся их; странники, какие к тебе подойдут, да говорить будут, – бойся и их. Обо всем мне говори. Порешили ли?

– Порешили, – пролепетал побелевшими губами Ран.

Домой он возвращался в опьянении. Сестры, провожавшие его, тайком утирали слезы и всхлипывали. Они шли подле него, поочередно жались к нему и ласкали.

Когда девушки отпустили его, и он прошел к тому месту, где вошел в воду, то неожиданно отметил, что солнце еще не село. Он был поражен. Он помнил тот миг, когда влезал в воду. Тогда солнце едва коснулось кроны Черного рунбрана. И вот теперь, оно лишь немного зашло за дерево.

Вернувшись домой, Ран застал отца в глубоком опьянении, но не стал трогать его, знал, что не любит этого. Взобравшись на родовой рунбран, он прислонился к нему и закрыл глаза. Внутри него был холод, и мелко дрожала какая-то струнка. Губы пересохли, а во рту стоял горький привкус страха.

– М-м-м, – замычал отец.

– Поднимайся... поднимайся... – приговаривала мать, отрывая его от скамьи. Она увела его в дом.

Солнце скрылось за деревьями и на Теплое местечко стремительно опустились сумерки, а за ними пришла ночь. Вдалеке, на Топотном лугу слышалась музыка и звонкий девичий смех. Там танцевали.

Рану хотелось плакать. Он не знал, сколько прошло времени, но вдруг дверь в доме открылась, из нее выбежал отец и побежал прочь. Юноша свесился с ветки и в изумлении смотрел за тем, как фигура отца, шатаясь и тяжело дыша, неслась со всех ног прочь от дома.

Юноша спустился с дерева и осторожно вошел в дом. Внутри было темно. Слышалось мерное сопение Сате и матери. Они все еще спали вместе. Осторожно прикрыв дверь, Ран побежал за отцом.

Память холкуна сохранила силуэт отца, бегущего по тропинке, уходящей к Черному рунбрану. Юноша мчался по ней во весь дух, и еле успел отскочить в сторону, когда ему навстречу выскочил Повоз. Он бежал обратно с закрытыми глазами.

Ран уставился ему вслед и побрел обратно. Этой ночью он так и не сомкнул глаз. Сон сморил его лишь на рассвете.

Когда он проснулся, дом был пуст. Даже Сате не было слышно, хотя обычно он постоянно бормотал себе под нос слова, выдумывая новую небылицу, или возился на кухне, подле матери.

Похолодев от ужаса, Ран вышел вон и увидел Бора, который, как и всегда, лежал под рунбраном и дудел писклявую мелодию.

– Где матушка, Бор?

Продолжая дудеть, брат махнул рукой в сторону.

Вдруг, Раном овладела такая ярость, что он подбежал к Бору и набросился на него.

– Ты чего? – опешил тот, ища глазами вылетевшую от наскока брата дудочку.

– Скажи по-олюдски, куда все делись. Чего дудишь... я не понимаю...

– Чего драться-то? Спросил бы так... я бы сказал...

Ран начал остывать, и неуклюже потрепал братца за чуб.

– Прости, Бор, спал я плохо, оттого...

– А-а! Я и гляжу, сивый какой-то ты...

– Скажи, где все?

– Батюшка, как проснулся, так и сказал матушке, что в Фийоларг поедет, да ее с собой возьмет. Еще... что купит ей там... платьев, да еще чего... и нам привезет. Матушка Сате подхватила и уехали они поутру. Ты спал, а я уж нет. А Ира нет еще, – зачем-то добавил он.

Ран отпрянул назад – только тут ощутил, как вся спина его покрылась вязкими капельками холодного пота – сел рядом с Бором и закрыл лицо руками.

– Нехорошо тебе, что ли? – спросил тот.

– Нет... хорошо... я пойду... – Ран поднялся и пошел прочь.

Отец вернулся домой через несколько дней. Окрестные пасмасы ахнули, когда увидели новехонькую телегу и громадного тяглогого красавца-коня, который был впряжен в нее. На телеге, среди кучи барахла, восседала счастливая Теллита. Она махала рукой кумушкам в окнах и раздаривала улыбки и благие пожелания.

– Ну, сыны, – сполз с телеги раскрасневшийся Повоз, – скучали, али нет?

– Скучали, батюшка, – бросился к нему Бор. Он еще мог проявлять сыновьи чувства.

Ир и Ран стояли подле и улыбались.

– Привез я каждому, что по душе, – с хитрецей посмотрев на сыновей, сказал отец. – Гляди, Бор, – отец достал из повозки настоящую флейту, конублские сапожки и широкий ремень.

Бор остолбенел. Вот уже много лет он мечтал обо всех этих вещах, но и не помышлял даже получить их все сразу.

– Я тебе еще рубаху прикупила, – заговорила мать. – Теперь красивше всех будешь, только не изваляй ее со своими утями.

– Тебе Ир... вот, гляди. – В руках у отца оказался меч в ножнах. Он был небольшим, но это был настоящий боевой меч. Ир покраснел, выпучил глаза и дрожавшими руками принял подарок. – Тебе, Ран... ты чего это? Ран? – Отец с удивлением посмотрел на бледного как полотно сына.

У Рана все плыло перед глазами. Он видел в руках отца четыре свитка в дорогой шкатулке и письменный набор. Все это стоило немалых денег. Ран был слишком умен и внимателен, чтобы не понять...

– Ран?

– Ему чего-то с утра, как вы уехали, нехорошо, – сказал Бор.

– Ран, ты слышишь меня?

– Да, отец, да...

– Прими себе...

– Спасибо, отец.

– Ну, – хохотнул Повоз, – всем раздарил, да и себя не обидел. Вот, помощничка купил себе. – Он хлопнул рукой по шее коня.

Ран плохо помнил, как родители прошли в дом, как был составлен богатый стол, как все ели и пили, а после пели. Как проникли в их дом несколько окрестных кумушек и заливались разноголосым смехом, как толпилась под окнами окрестная детвора.

Юноша очнулся глубокой ночью. Его бил озноб. Вскочив с кровати, он выбежал из дома и, что было сил, припустился бежать к Сестринской заводи, так он прозвал про себя Межкамышье.

Добежав до места, Ран остановился и в отчаянии оглядывался по сторонам. Он не помнил, какой дорогой идти к дому колдуньи.

Вдруг, послышался топот ножек. Ран спрятался в камышах. К Сестринской заводи выбежала женщина. Задыхаясь, она остановилась и стала оглядываться. После, девушка начала ходить взад и вперед у заводи, заламывая руки и с тревогой оглядываясь по сторонам.

– Эйса? – окликнул ее Ран.

– Ран? Это Миса.

– Миса, ты как здесь?

– Ты позвал меня... во сне... О, боги, Ран, я подумала, что плохое уже случилось.

– Нет, но скоро должно. Веди меня к матушке.

Они бросились бежать к домику хласиты. В его окнах горел свет, а дверь была раскрыта. В дверях стояла сама колдунья, подле нее сидели заспанные сестры Мисы.

– Я вот... матушка... я привела...

– Весь дом перебудила, – буркнула Тиса и зевнула.

– Помолчи, Тиса, она правильно сделала. Ран, ты что-то увидел?

– Да, Людис.

– Говори же. При них говори, теперь уж и им можно знать.

– Отец... как от вас вернулся я, то увидел, как отец мой из дома убежал. Он убежал куда-то в лес. А после вернулся и спать лег. А до того, упился он и еле на ногах стоял, а тут убежал... да резво так, что я не смог догнать...

– Дальше чего?

– Поутру же он уехал с матушкой в ларг... в Фийоларг, а когда вернулся, то привез нам всем подарки дорогие. Не то, чтобы я... Людиса, он никогда бы такие подарки не купил нам... не такой он... бережливый... а тут даже и коня купил... хороша была у нас кобыла... а он коня... не такой...

– Погоди. – Колдунья задумалась. – Необычные ли подарки?

– Нет. Обычные. Но дорогие. Не сделал бы он такие, кабы в своем уме был... Бору подарил сразу три...

– Престранно, – согласилась колдунья. – А ну-ка, веди меня до дома своего. А вы, непоседы, спать ложитесь. И ты, Миса... Нет-нет-нет, ты будешь спать. Ничего с ним не произойдет без тебя... – Людис и Ран вышли из дома. Внезапно, колдунья застонала. – Не отпускает меня одну. Погоди здесь. – Она мгновенно исчезла, и появилась через некоторое время, неся в руках каменного истукана. В этот раз присутствие Двадеда придало Рану уверенности.

Все трое направились в деревеньку.

Ран огляделся. Никого не было видно. На Топотном лугу, как и всегда, играла музыка, и шумели пасмасы. Перебежав через дорогу, Ран спрятался в тени дерева. Колдунья последовала за ним, но вдруг, словно бы натолкнулась на стену, и отлетела обратно. Холкун бросился к ней и поднял хлатису на ноги. Она потрогала себе шею и грудь.

– Подними Двадеда, Ран, – приказала она. Когда он сделал это, она зачем-то ухватила сзади его за плечи и осторожно повела через дорогу.

Тяжелый камень давил на руки юноши, но на дороге он вдруг ударил его в грудь и отбросил и холкуна, и колдунью на обочину. Ран закашлялся от удара.

Людиса подняла истукана, обняла его и зашептала заклинание. Когда она открыла глаза, то, вместо зелено-серых на Рана взглянули иссиние-черные, бездонные дыры. Выставив Двадеда перед собой, она вышла на дорогу и пошла не через нее, а вдоль нее. Камень гудел в ее руках.

Холкун поднялся и последовал за ними. Они шли до тех пор, пока не остановились у Черного рунбрана.

Колдунья застонала и тяжело опустилась на землю. Ее глаза просветлели.

– Здесь был чернец, – сказала она.

– Кто?

– Черный маг. Он был здесь. Двадед видел его. Его сила до сих пор здесь. Она тянется отсюда и вдоль тропы. Двадед хочет, чтобы мы оставили его здесь. Поставь его. У меня нет сил. – Ран поднял лежавший на боку камень и поставил его стоймя. Внезапно, камень принялся крутиться и полностью ушел под землю. – Теперь здесь его место. Отныне и навсегда, – со слезами в голосе проговорила хласита. – Пойдем, я вижу следы черной силы. Пойдем по ним.

Людиса и юноша быстро пошли обратно в деревню.

– Ран, что ты... – вдруг возник из ниоткуда Ир. Он вел под руку девушку-пасмаску. Она вмиг побледнела, когда узнала хласиту.

– Спать! – взмахнула рукой колдунья, и оба снопами повалились наземь. – Скорее, Ран!

Они побежали дальше и остановились только подле дома Повоза.

– Здесь, – сказала колдунья, и юноша похолодел:

– Это мой дом, Людис.

Хласита промолчала.

– Я вижу множество черных нитей. Они повсюду в твоём доме.

– Где?

– Одна ведет в тот угол, под кровать; другая в тот, но над кроватью; еще одна вон там, она...

– У изголовья, – прошептал, еле ворочая языком Ран.

– Да.

– Это подарки отца.

– Подарки. – Колдунья резко обернулась и посмотрела в лес. – Ран, принеси мне их.

Принеси сейчас же!

Юноша бросился в дом и стал собирать требуемое. Он без труда нашел свой подарок и подарки для Ира и Бора, гулявших на Топотном лугу, но Сате поднял крик, когда у него попытались отобрать его игрушки, и разбудил мать и отца.

– Ран, что случилось? Почему ты?..

– Молчите, – вошла в дом колдунья.

– Хласита?!

– Спать. – И родители с Сате повалились в свои койки.

Колдунья проговорила заклинание и ее руки стали светиться. Она осветила пространство вокруг себя и указывала Рану, где искать игрушки. Самое много подарков было подарено отцом матери. Их выгребали дольше всего.

– Подгони телегу, скорее!

Ран бросился вон, впряг коня в телегу и подогнал ее к дому. Колдунья выносила вещи матери и бросала их в телегу. Туда же полетели подарки сыновьям.

– Гони прочь отсюда, – приказала колдунья, взбираясь на телегу. = Ран хлестнул коня и погнал его прочь из деревни. – Стой, – воскликнула Людис, – я вижу. Еще... еще... следы... мы взяли не все...

– Бор, – понял Ран. – Он надел сапоги и пояс. Я забрал только флейту.

– Беги к нему и отбери это. Я буду у Черного рунбрана. Двадед зовет меня. Они близко. Торопись!

Ран соскочил с телеги и во весь дух помчался к Топотному лугу. Он не сразу нашел Бора. Брат лежал на столе и сладко спал. Его голые ноги и грязная рубаха разостлались на всю столешницу, залитую медовухой, которую он сам и притащил.

– Бор... Бор! Где твои сапоги и пояс?

– М-м-м...

– Бор...

– Ран, ты здесь? – Юноша обернулся и увидел знакомую холкунку, которая подходила к нему. Ее глаза горели огнем вожделения. – Будешь танцевать?

– Нет, Лана. Скажи, кто забрал у Бора сапоги и пояс?

– Сапоги? У Бора отродясь не было сапог, тебе ли не знать?

– Были... были... ладно... не знаешь... надо найти... Лана...

– Ты будешь?..

– Лана, слушай меня. Надо найти то, что я сказал, иначе беда... беда!..

– И ты упился в усмерть, Ран. – Девушка недовольно сжала губки.

– Лана, помоги мне. – Но она отвернулась и отошла прочь.

– Эй, отдайте сапоги и пояс! – закричал Ран. Но его никто не расслышал. Музыка громко играла.

Вдруг, сквозь музыку проник рык. Сначала один, потом второй.

Ран остановился и в ужасе смотрел на лес, туда, откуда донесся рык.

– Бегите! – закричал он. – Бегите!!! – Но пасмасы продолжали веселиться и танцевать.

Черная тень метнулась в ветки одного из деревьев и в кругу света, отбрасываемом рочипсами мелькнула морда чудовища, каких никогда не видывали эти края. Дикий крик разнесся над лугом. Музыка тут же прервалась, и в наступившей тишине отчетливо был слышим хруст переламываемых костей.

– А-а-а! – завизжали девушки. Все, кто находился на лугу, бросились в разные стороны, наталкиваясь друг на друга, спотыкаясь и падая.

Вдруг, Ран увидел девушку, на которой был надет пояс Бора. Он бросился за ней, повалил на землю, с трудом отцепил пояс и помчался прочь. Гам от криков заглушил чудовищный рев, и Ран услышал, как несколько громадных тел влетели в чащу и помчались за ним. Под весом их тел трещали ветки, их дыхание билось о стволы деревьев, шипя на коре.

Холкун мчался так быстро, как только мог. Погоня нагоняла его. Ран выскочил на дорогу и помчался по ней, хорошо понимая, что не успеет до Черного рунбрана. Чудовища мчались за ним по пятам.

Неожиданно, ему навстречу выскочил конь, купленный отцом. Ран на ходу запрыгнул на него и оба помчались прочь. Теперь силы были равны. Конь был силен и быстр. Он, казалось, знал, куда скакал.

Подле Черного рунбрана Ран соскочил с коня и хлопнул его по крупу, гоня прочь, но конь встал, как вкопанный.

– Не гони его, он здесь должен быть, – проговорил голос колдуньи. Она сидела среди корней рунбрана, там, где обычно сидел верховный жрец Теплого уголка, и смотрела за спину Рана. Тот обернулся и обомлел, прямо на него шли три ящероподобных монстра с шестью ногами и шерстью из игл. – Отбрось ремень, – посоветовала колдунья.

Ран отбросил ремень и чудовища тут же отвернулись от него, впившись взорами в отброшенный подарок.

– А-а-а, вот мы все и собрались! – проговорили словно бы из-под земли густым басом. – Уж жаждался вас.

Почва пришла в движение и слева от Рана, прямо из-под земли вырос громадный каменный воин. Его левая рука была необычайно толста и более походила на щит, а правая сжимала каменную кувалду.

Руки колдуньи легли на плечи Рана и потянули его назад. Оба вжались в корни рунбрана.

– Сидим тихо, – сказала Людис. – Мы ничто в сравнении с этой магией.

Между тем, каменный воин стал собирать подле себя все подарки Повоза.

– Ну вот, – сказал он по-хозяйски, – все подле меня. Забирайте теперь!

Едва он это произнес, как чудища бросились на него. Один зверь повис, вцепившись в его руку, а второй попал под сокрушительный удар кувалдой и отлетел куда-то во тьму леса. Оттуда раздался хлопок. Второе чудовище было неспешно размазано воином по рунбрану.

Кровь и внутренности посыпались сверху на колдунью и Рана. Они плотнее вжались в дерево, и Ран ощутил, как хласиту трясет от страха. Неожиданно, прямо перед ним упали перегрызенные ноги, одетые в сапоги Бора. С отворачиванием Ран оттолкнул их от себя.

Лес взорвался еще несколькими рыками, и на каменного воина набросились уже четыре зверя. Он схватил двух из них и приложил о землю; еще одного растер между руками, а четвертого разорвал на две части.

Тут же лес породил восемь чудовищ.

Покончив с ними, каменный воин добродушно рассмеялся.

– Чернец, – загрохотал его голос, словно бы камнепад обрушился со склона, – и этим ты хочешь победить Двадеда.

Лес наполнился тишиной.

– Двадед? – заговорил лес. – Ты, Двадед? Кугун пожрал тебя в незапамятные времена.

– Даже Кугуну я не по зубам.

– Ха-ха-ха! – захохотал лес. – Ты все так же заносчив.

– А ты так же глуп.

– Отдай мне мальчишку.

– Забери, если сможешь.

– Кугун желает видеть его.

– Пусть придет сам и посмотрит.

– Ты заплатишься за противление воле богов.

– Боги Владии сказали мне, что мальчишка им не нужен. Каким богам служишь ты?

Лес замолк.

– Чернец, не считай меня глупее себя. Я знаю более твоего. Не думай, что сможешь обмануть меня. Ты предал своих богов. Чего молчишь?

Но лес более не отвечал.

Каменный великан обернулся к колдунье и холкуну.

– Как я и сказал, он должен уйти, – проговорил каменный воин. – Навсегда.

– А-а-а! – донеслось из деревни.

– Ар-р-р! – зарычал воин, и бросился на звук. – Изгони ее из коня, и отдай ему. Пусть скачет прочь! – закричал он издалека.

Людис поднялась на ноги, с ужасом оглядывая место побоища, заваленное внутренностями и частями тел чудовищ. Она подошла к коню, приложила руку к его боку и тихо запела.

Конь, понуро стоявший подле дерева, вздрогнул, повел ушами, а после начал икать. Он икал со все большей силой до тех пор, пока его не вывернуло. Из его рта вывалилась черная палочка. Она превратилась в червя и попыталась скрыться в земле, но колдунья подхватила ее и прихлопнула между ладонями. Получившийся порошок она ссыпала в мешочек у себя на поясе.

Ран сел на коня, помог колдунье взобраться и сесть позади него, и помчался прочь.

– Правь к Вороному корню, – шепнула хласита.

Конь скакал в лесные дебри, а Ран плакал навзрыд. Колдунья прижалась к нему и ласкала его, пытаясь успокоить.

Их встретили все три сестры. Они тут же бросились к Рану, но мать отогнала их. Она ввела юношу в дом.

– Переночуешь здесь, а поутру уйдешь от нас.

Всю ночь Ран метался на постели, бредя. Он плакал и вскрикивал, словно его били плетью. Миса сидела подле, целовала и плакала, глядя на его страдания.

Рано утром его разбудила Людис. Она стояла с двумя чашами в руках. Ран отпил из первой чаши, и у него заметно прибавилось сил. Вторую чашу колдунья подала не сразу.

– Ты уйдешь отсюда, и никогда не увидишь нас, но и мы больше никогда не покинем это место. Мои дочери будут здесь вечно. Старость придет за ними сюда. Этой ночью Владия погибла. Она умерла вместе с Двадедом. Сегодня белое око Владыки узрит падение Великого боора в Деснице Владыки. Тьма опускается на Владию на долгие зимы. Ты состаришься и умрешь под этой тьмой. Умрешь так же, как они умрут, – колдунья указала глазами на дочерей, смиренно толпившихся в дверях. – Нет нам хода из этой тьмы. Мы же с тобой увидимся еще только раз, а после никогда уж. Их же ты видишь последний раз.

– Они живы? Мои родители и братцы, они живы?

– Да, Ран. Они живы. Я и Двадед спасли их. И ты спас тоже. – Людис умолкла. Она, казалось, была чем-то смущена. – Ты... я прошу у тебя милости за мою помощь. Мои дочери никогда не увидят себеподобных. Коли так, то... наш род прервется. Я помогла тебе, и...

– Я помогу тебе, – кивнул Ран. Он все понял.

Колдунья протянула ему вторую чашу. Он выпил ее всю.

– Миса, – позвала Людис. – Самое сильное семя отдай ей, – сказала она Рану.

Заплаканная Миса вошла в комнату и тут же бросилась в объятия холкуна.

Волны хлестали о борт гуркена. Корабль медленно отходил от пирса. Весла вспенивали воду за его бортами, унося прочь холкуна, одиноко стоявшего на корме и с болью смотревшего на берега Владии, которые удалялись от него.

Ран больше не плакал. Он уже давно выплакал все, что можно было выплакать. Слез не осталось в его душе. Он тешил себя мыслью, что у его родных все хорошо. Они продолжают жить в Теплом уголке, каждый вечер ходить на Топотный луг и танцевать.

Людиса прислала к нему весточку о том, что наслала забытье на мать и отца, а братья и так переживут; о том, что жизнь в Теплом уголке идет своей чередой: Бор продолжает пасти скот и птицу, Ир увивается за поселянками, а Сате стал задумчивее. Он взял себе купленные для Рана свитки и письменные принадлежности, и что-то пишет. Они думают, что Рана пожрали чудовища, как и еще двух пасмасов. Лана рассказала, что видела Рана на Топотном лугу, а после его никто не видел, как и монстров, которые явились из леса.

Однажды, Людис явилась Рану во все:

– Эта наша последняя встреча, Ран. Слушай внимательно, что я буду говорить тебе. Тьма уже в Боорбогских горах. Скоро она придет в Холкунию и Пасмасию, но ты не должен возвращаться до тех пор, пока Прибрежье не окажется под властью тьмы. Когда такое случится, тебя перестанут искать. Тогда и вернись. Пока же, вверяю тебя в руки Моребога. Не бойся ничего. Тебе уготована долгая жизнь.

Когда ты вернешься, то возвращайся в Фийоларг. По дороге ты возьмешь то, что я оставляю тебе. В Фийоларге тебя не пустят ни в один дом, но будет дом, где двери для тебя будут открыты. Там найдешь ты свое счастье. Именем матери оно назовется. Там и останься.

– Что мне делать теперь, Людис? Что мне делать?

– Ты найдешь себе дело. Безвкусным оно будет поначалу, а затем вкус придет. Удача тебе будет в нем, но не бери от него много, только это сгубить тебя может. Держись тихо, тем и спасешься. – Образ колдуньи исчез навсегда.

Море неприветливо встречало Рана. Он почти сразу попал в сильнейшую бурю, которая отнесла корабль к островам, имени которых он не знал.

На них жили рыбаки из народа реотвов. С ними он и остался. На рочиропсы, вырученные от продажи коня, он купил небольшую лодку и стал рыбачить.

Прошло много лет, и он превратился в искусного рыбака. У островов, прозванных реотвами Чудесными, водилась могуч-рыба, порошок из костей которой высоко ценился во Владии. Ран ловил ее и изготавливал порошок для себя, а после впервые переплыл пространство между островом и Владией.

Он увидел на ее побережье города, возведенные неизвестным народом, который называл себя оридонцами. Ран продавал порошок саарарам, которые прислуживали оридонцам, и еще через несколько лет скопил достаточно, чтобы вернуться во Владию.

Родная земля поразила его своими изменениями. Она была захвачена оридонцами, коих он за всю свою жизнь не увидит ни разу; она была поделена между народами так, словно народы эти ранее не жили на ней дружной единой семьей. Брезды, прежние правители Владии, сгнули куда-то за Холведову гряду, оставив после себя правителя по имени Комт, о котором ходили слухи, то, как о предателе, то, как о спасителе.

Аккуратные, чистенькие холкунские городки превратились в громадные города, заваленные мусором и набитые беднотой.

С ужасом взирал Ран на эти изменения. Порошок хорошо расхотелся и среди холкунов, а потому у него быстро возникла нужда вернуться обратно на остров. Однако возвратный путь его был прерван.

На дороге, недалеко от Теплого уголка, куда он попутно держал путь, перекрыв ее, стояла телега. Ран объехал ее и поехал бы дальше, если бы не детский крик, который донесся до него.

Холкун остановился и заглянул внутрь телеги. Оттуда на него смотрели четыре ребенка. Их вид заставил его расплакаться. На него смотрели почти точные копии дочерей Людисы. Завидев его, дети заулыбались.

Развернув телегу, Ран поехал обратно в Фийоларг. Его и впрямь не допустили ни в один дом.

– Четверо детей?! Не-ет! Пошел прочь! – слышал он всюду. И какие бы деньги он не предлагал, никто не соглашался на его цену.

Уже смеркалось, когда он въехал на улицу, где толпились несколько женщин. Они окружили одну из товарок и наперебой успокаивали ее. Над их голосами басовито-недовольно разносился голос одной приземистой полной холкунки:

– Сколько же можно!? И себя изводишь, и нас! Довольно! Прекрати плачь. Боги отняли – боги приведут. Чай не дитя померло. Толку-то от него. Не приласкать, ни разродить тебя не бог. Какой это хол?! Ан так ему и надо!

– Что ты говоришь, Кнова. Как можно?! – совестили ее.

– Чего я говорю? Правду говорю.

Ран остановился подле и посмотрел на заплаканную молодую холкунку, стоявшую у стены дома и отиравшую слезы. Их глаза встретились.

– Я пришел, Теллита! – вдруг вырвалось у Рана.

Холкунка побледнела, вскрикнула и бросилась в дом, заперев за собой дверь.

– Чего это она? – не поняли товарки. – Теллита, ты чего это?

– А, оставьте ее, совсем умом тронулась, – забасила Кнова. – Не хочу более про нее знать, пока не отойдет. Пошли в дом, холы, пошли! А ты чего встал? – набросилась она на Рана.

– А тебе чего? Мешаю разве?

– Ничего, – присмирела женщина.

– Иди, куда шла.

Товарки тут же разошлись по домам.

Ран остановил телегу у двери Теллиты. Дети стали хныкать. Пришла пора поесть. Холкун поочередно брал их на руки и кормил.

– Дитяти, что ли, у тебя, хол?

Ран обернулся. Из окна на него смотрела Теллита. Ее лицо показалось ему таким прекрасным, что даже дух захватило.

– Дитяти, хола.

– Твои, али украл, али... продаешь? Коли продаешь, тогда иди вон...

– Мои.

Холкунка скрылась за окном. Дверь заскрипела, и девушка появилась на пороге.

– Кормить их надобно, да?

– Кормить. Тяжко мне одному с четверыми управиться. Хозяйка мне нужна. Без нее никак. – Словно по команде, четыре детские глотки возопили в небеса.

– Чего это? Чего это вы? – сбежала к телеге девушка. Она взяла на руки двух малышей, прижала их к себе и принялась баюкать. – Не буйный ты? – спросила она и зарделась. Потом насупилась, но, взглянув на детей, улыбнулась. – Иди в дом, – не оборачиваясь, приказала она Рану. – Всю округу перебудили.

– Ты... знай... других детей и не будет... – сказал вдруг Ран. Он удивился своим словам. Ни в мозгах, ни на языке до этого их не держал.

Теллита кивнула:

– Поглядим. Коли хозяйка нужна, так вот она я.

Битва бооров

Грухх трубно заурчал и зашевелил своими маленькими ушками. Его мощные лапы, обутое в красивого покроя мягкие сапожки, вокруг которых обвилась железная лоза с позолоченными жилками, нетерпеливо переступили одна подле другой.

– Бургон, – ласково проговорил брезд в простой одежде, подошедший к стойлу.

Брезд был немолод. Его лицо сморщилось от времени и рубец, раскрасневшийся от холода на щеке, потонул среди других похожих рубцов, бывших морщинами. Холодно-серые глаза брезда с теплотой ласково смотрели на боевого грухха.

Брезд вытащил из-за пояса широколезвийный топор на короткой ручке и протянул грухху. Животное с довольным урчанием принялось лизать холодную сталь.

Мальчик-брезд, стоявший подле старого воина и едва доходивший ему до пояса, с восхищением смотрел на это действие.

– Видишь, Налагт, только боевой грухх лижет оружие, поднесенное ему. Только боевой... – довольно проговорил старик. Он погладил нос животного и похлопал его по мощной скуле.

– Поедем ли, деда? – спросил мальчик и настороженно ожидал ответа.

Старый воин с улыбкой смотрел на него. Он завидовал мальчику. Для него все было вновь: и грухх, и первый выезд в долину, – все, что приелось и стало обыденным для старого брезда.

– Сильно хочется? – поинтересовался с деланным безразличием дед.

– Очень сильно. – Голос мальчика дрожал от волнения.

– Ну, коли сильно, то поедем...

– Деда! – не дал договорить ему внук, и прижался к ноге воина.

– Чего ты? Не кричи, а то вон Бургон на тебя глядит, как на девку. Девкам кричать к лицу, а воинам – нет.

Налагт испуганно отпрянул и уставился на Бургона.

– Не девка я, Бургон, ты не попутай нас, – заговорил он в свое оправдание.

– Комт, дозвожь говорить тебе, – раздалось позади них.

– Девоч я видел... как кричат они, особливо, когда за ними гонются. Не такой я. Ты не думай чего... – Мальчик, казалось, позабыл обо всем на свете.

В конюшне стояли, помимо них, еще несколько брездов. Двое из них почтительно расступились и склонили головы, зажав их между своими ладонями. Между ними стоял высокий брезд, волосы которого были абсолютно белы.

– Ты снова пришел тревожить мое спокойствие, Эвланд. Не хочу видеть тебя; говорить с тобой не хочу, – отмахнулся устало Комт.

– Я не отступлю, боор, и ты знаешь, что не можешь отослать меня. Всяким здесь можешь повелевать, но не мной. Я буду говорить с тобой, а ты будешь слушать. Боги дали мне право говорить с тобой, когда время придет.

– Оно пришло? – без тени раздражения спросил Комт.

– Да. Теперь не отстану я.

Старый воин зевнул.

– А ну-ка! – Он подхватил внука на руки и посадил на грухха. Бургон с интересом наблюдал полет маленького брезда, от которого пахло молоком и чем-то сладким, а когда тот оказался у него на спине, стал деликатно его обнюхивать. – Не трепыхайся. Он знакомится с тобой. Покуда не фыркнет, ты руки к нему не тяни. Откусит враз.

– А когда фыркнет – можно?

– Да, тогда можно. – Комт отошел от внука и предстал перед беллером. – Где говорить будешь со мной?

– Буду говорить там, где душа твоя открытие всего. Ты хотел быть с Налагтом, так будь с ним.

Комт недоуменно посмотрел на мага. Эвланд взмахнул рукой. Нечто холодное пронеслось по левую руку от боора, лязгнула щеколда, и дверца стойла открылась. Маг издал странный гортанный шипящий звук, и грухх заурчал ему в ответ. Животное вышло из стойла и подошло к боору. С высоты восьми локтей на них взирало восторженное личико Налагта.

Беллер повернулся и пошел прочь из конюшни.

У выхода боора поджидала его личная стража в количестве двадцати топоров, но Комт увидел их спокойно-безмятежные лица и понял, что маг уже околдовал воинов и они не двинутся с места.

В замке, по двору которого они шли, время, будто бы замерло. Комт дивился тому, что даже служанка, наливавшая воду в большую бадью, в которой потом будет стираться белье, замерла, подняв на уровень груди тяжелое деревянное ведро. Вода, выливаясь из него, также замерла.

Комт невольно ухмыльнулся.

– Угадал ли я, боор, что по душе тебе придется? – спросил беллер, не оборачиваясь.

– Угадал, шельма, – хохотнул по-детски Комт, – давно не водил ты меня по Остановью.

– Бургон, посмотри, видишь ли ты во-о-он ту башню? – Налагт продолжал говорить так, как будто ничего необычного не произошло.

– Разве он не заметил, Эвланд? – спросил боор.

– Заметил, но для него это не волшебство. – Беллер начал спускаться по мосту, ведущему на склон горы, уводивший путников по широкому тракту в Брездскую долину. – Я не побоялся показать ему Остановье, потому что дети близки нам, магам. Они верят в чудеса и принимают их безбоязненно. Они дивятся каплям дождя, но безропотно, как обычное, встречают даже самую грозную магию. Ты не знаешь, Комт, но маги – это взрослые дети, овладевшие умением повелевать и убивать, вот и вся разница между нами.

– Ты прав, беллер. Не надивлюсь я на него, когда рядом с ним, – согласился боор. – Долгие зимы, что я провел в походах, сделали мои глаза слепыми. Я видел лишь то, что шевелится. Он для меня живое. Иного не видел ничего вокруг себя, пока Могт не принес мне внука. Ты знаешь, Эвланд, он говорит с камнями. Он видит в них жизнь. Он знает птиц, и они о чем-то советуются с ним. Мой топор и меч – даже и они поведали ему за день более, чем мне за все те зимы, что провели на моем поясе. Это волшебство, беллер. Это магия!

– погоди, – усмехнулся Эвланд, – пройдет совсем немного зим, и Налагт ослепнет так же, как и ты ослеп. Как ослеп твой сын. Как слепнете все вы, которые зовете себя воинами.

– Когда мы утрачиваем это, беллер?

– Беды накрывают покрывалом наши головы. Они слепят нас. Боги наперед выдумали это, дабы не наделали вы Владии большой беды, ибо, пока дети вы, нет сил на свершение волшебства, а когда сильны – то исчезает волшебство.

– В этом есть смысл, Эвланд. Боги, как и всегда, мудры.

Они стали спускаться по тракту, старательно огибая повозки и путников, замерших на нем.

– Я слышу песнь души твоей. Она поет о Слезе Огвиды, – сказал Эвланд. – Направим же туда стопы свои, и там будем говорить, мой боор.

Они неспешно пересекли долину и спустились в небольшой овраг, который вывел их к могучему дереву, на стволе которого из причудливого смещения коры проступало печальное лицо брездки. Дерево стояло подле озерца, опустив к нему свои руки-ветви. Ходили легенды, что дерево это было в стародавние времена Огвидой – брездкой, так и не дождавшейся своего любимого из дальнего похода. В успокоение боги послали ей лик воина, проступивший на большом камне, но девушка еще больше печалилась и наплакала озеро над каменным ликом, а сама окаменела от горя.

Слеза Огвиды было местом встреч вдов и влюбленных, ожидавших своих возлюбленных из долгого путешествия или дальнего похода.

В последнее время Комта все чаще тянуло приходить сюда. Душу теребила стародавняя рана, нанесенная в то время, когда он был еще юнцом. О несчастной любви знал лишь беллер.

Боор и сам не знал, почему к окончанию жизни лицо той, даже имени которой он не упомянет, все чаще навевалось ему во снах. Они о чем-то говорили много и долго, а поутру Комт никогда не мог вспомнить, о чем, хотя воспоминания о неупомненном оставляли в его рту чувство сладости.

Эвланд снова что-то проговорил гортанно, и грухх повернул в сторону.

– Не опасайся, боор, он не уйдет с поляны, – сказал маг.

Громко дышащий зверь с внуком, болтавшим без умолку обо всем, что видел вокруг, скрылся с глаз боора за деревьями рощицы.

Боор подошел к озерцу и посмотрел на свое отражение в воде.

– Ты слишком часто стал смотреть в свое прошлое, Комт, – проговорил Эвланд. – Проглядеть настоящее и не предугадать будущее много опаснее, чем то, что тянется к тебе из прошлого.

– Знаю про то и без тебя, – нахмурился Комт, но, впрочем, его лоб тут же перестал хмуриться. – Я часто вспоминаю. Много вспоминаю, беллер. Я, наверное, уже стар, и Кугун подослал мне свиток свершеного мной. В него смотрюсь.

– Цур желает вернуться в Земли Дыкков. Он прослышал об этом Маэрхе, что от холведов приходит, – резко перевел тему Эвланд.

Комт поморщился, словно бы ему дали понюхать что-то отвратительное.

– С каких это пор оридоняне справляются о холведах у меня?

– С тех пор, как воин по имени Маэрх ступил на Синие равнины с их земель. Я знаю лишь часть того, что скрывают они от нас. Но в узанном мною, появление Маэрха – это дурная весть для оридонян.

– Не тот ли это Маэрх, что был рипс. Еще Могт гонялся за ним. Потом этот... как зовут того лизоблюда, который прислуживает Цуру?

– Ты говоришь о Кине Хмуром?

– Да. – Комт обернулся к магу. – Я устал. Сделай мне скамью. – Маг повел руками, и земля исторгла из себя удобный трон. Боор сел в него и откинулся назад. Он закрыл глаза и тяжело выдохнул. Это был знак Эвланду, что боор готов много слушать и мало говорить.

– Я пришел сказать тебе о миге, который отделяет величие твоего рода от его заката; о мгновении, в которое решается все. Подобно полету стрелы на входе в грудь...

– Эвланд, умерь пыл. Я слишком стар, а твои слова слишком красивы. Молодые оценят их, но старик – нет. Я могу уснуть, беллер, ежели ты продолжишь поэзию. Говори о сути. Мне не так долго осталось, а красоту я вдоволь испил за зимы, которые не вернешь.

– Оридоняне знают о некоем пророчестве...

– Пророчестве? – только со второго раза расслышал Комт. Он был дряхл, но когда что-то интересовало его, не было его уму равных по цепкости. – Расскажи мне его.

– Я многое не знаю, но, что известно, я расскажу. – Эвланд стал рассказывать:

– Многие зимы назад, оридонским магам снизошла от богов весть о Великонеобратимом, что ожидает весь род их. Великонеобратимое – именно так они называют пророчество – донесло о свершениях, которые уготованы их народу. Некто, кого они называют Слышащий Голос, сумел войти в поток Великонеобратимого и уяснить то, что несло оно в себе. Он и передал увиденное и услышанное владетелям оридонским. Они говорят о письменах, которые содержатся в месте, называемом Чертогом Трех.

Не знаю доподлинно, но, может быть, там и сидят те, кто повелевает нами и ими. – Губы Комта вдруг тронула улыбка, и Эвланд прочитал его мысли о том, что и оридонцами повелевают из темноты, как и владыками. Боора порадовала эта новость. Беллер продолжал: – Чернец из Глубокой пещеры поведал мне об этом. Он же наговорил и о пророчестве.

Настанет время, гласит оно, когда боги отвернуться от нас, а мы отвернемся от них. Никогда в веках не было такого времени, но оно настанет. То будет эпоха, когда старые боги оставят Владию. И народятся новые боги, которые будут нам хуже врагов. То будут не чужие боги, но наши. Душами своими, мыслями своими породим мы их, и от них сами претерпим великие страдания. И когда случится такое, то будет лучшее время, чтобы прийти во Владию всякому, кто хочет отъесть от тела ее, ибо новые боги с готовностью отдадут любой кусок от плоти нашей тому, кто поможет им нас пожирать. – Комт резко открыл глаза и вперил взгляд в мага. Губы его сжались так, что почти исчезли с лица. – Оридоняне...

– Чернецы знали об этом? – спросил вдруг боор, хотя в его правилах было не перебивать Эвланда, когда тот говорил.

– Да, боор.

– И...

– Да, боор, – расслышал мысли владыки маг, – но дай мне досказать и до этого. – Он продолжал: – Великонеобратимое было прочтено не только Слышащим Голос, но и другим магом. Никто не знает его имени. Чернец из Глубокой пещеры сказал мне, что имя его ушло со старыми богами. Тот маг передал весть о пророчестве доувенам. От них и чернецы узнали о нем. Так оридоняне стали властвовать над нами. – Беллер несколько нахмурился, ибо проговорил про себя фразу, которой завершил первую часть рассказа чернец: и начнется безбожие и новобожие, сказал он, с того, чье прозвище станет по другую сторону от дел его.

Комт, по прозвищу Верный, продолжал восседать на троне, внимательно слушая мага.

– После, гласит пророчество, много крови изольют старые и новые боги на Владию. Много претерпим мы, но с этого начнется то, чего бояться оридоняне более всего.

– Чего же они бояться?

– Великонеобратимое остановится, а после, потечет вспять.

– Как такое возможно? – удивился боор.

– Никому то не ведомо, но так будет.

– Что это значит?

– Никому то не ведомо, боор.

Комт задумался. По лицу его было заметно, что Верный пребывает в растерянности.

– А Маэрх? Этот рипс. При чем тут он?

– Он людомар, боор.

– И чего же с того?

– Людомары – это один из ликов Многоликого-безымянца. – Маг помолчал и решился: – Лишь ты из простых смертных будешь знать это. – Беллер огладил бороду. – Людомары равны пред ликом богов доувенам. Доулены знают об этом, а потому продолжают род людомаров, ибо лишь от доувена может родить людомара. – Брови Комта взлетели на середину лба, но он молчал. Беллер продолжал: – Но не одно дитя рождает людомара, а всегда двух. Одно из них с ликом доувена, а второе – людомара.

Повисла долгая пауза. Комт сидел, нахмурившись, и смотрел себе под ноги. У его ног тихо колыхалась гладь озера. Старик видел в нем что-то, что было неизвестно даже беллеру.

– Слушай далее, – осторожно приступил к продолжению рассказа маг. Комт едва заметно кивнул, слушаю. – Рипс Маэрх был сохранен Дорандом, беллером Глыбыра. Много зим старался я проникнуть в ту часть лугов Кугуна, где обитает дух Доранда, и лишь однажды увидел я его образ. Из этого понял я, что Доранд не оставил Владию, и дух его еще здесь, а коли так, есть на то воля Владыки, ибо не может Кугун возвращать живым увядший дух без воли Многоликого. Я уверился в том, что старые боги давно покинули нас, – глупец! – я видел лишь сущее, но битва скрылась от меня в мире бестелесном. И там она жарче идет, чем здесь была.

– Наши боги с нами пребывают? – лицо Комта неожиданно стало наливаться краской жизненной силы.

– Да, старые боги здесь, но они уже не наши боги, и потому я привел тебя сюда и говорю, берегись. Берегись, ибо ты положил начало окончанию их владычества, и до сих пор именно ты стоишь первым перед ними.

– Разве новые боги не охраняют меня?

– Их слишком мало в тебе, боор. Еще много тебя преклоняется перед старыми богами.

– Я часто молюсь, беллер.

– То сложно объяснить, мой боор, ибо магия это, но, молясь новым богам, большей частью своей ты лобызаешь руки старым. Неизменно это для тебя. Слишком много ты отдал им в прошлой жизни.

– Чего мне бояться?

– Я вижу тучу, мой боор, собирающуюся на востоке, в землях Холведовых. Она нависает над Холведской грядой. Скоро, мой боор, очень скоро грянет гром, и смердящий вонью старины холодный восточный ветер придет в Синие Равнины. Он принесет с собой дыхание старых богов, от которого сгинет все то новое, что создано тобой. Он иссушит твой род и окончит его навсегда.

К удивлению беллера, его речь не произвела ожидаемого впечатления на Комта. Последний лишь усмехнулся.

– Налагт! – неожиданно позвал боор, поднимаясь с трона.

– Деда! – отозвался голосок внука из-за деревьев.

– Веди Бургона ко мне. Нам пора возвращаться.

– Мой боор, – подступил к нему маг.

– Эвланд, – резко обернулся к нему старый владыка, – я стар, а ты продолжаешь говорить со мной, словно бы за моими плечами несколько зим. Вы, маги, должны знать того, кому служите, и ты знал меня – хорошо знал – до недавнего времени. А теперь, вдруг, перестал знать. Вы прикрываетесь магией, но мне немало лет, и я вижу, где магия, а где политика, беллер. Ты изменил мне. Предал меня, и я это знаю, и не виню тебя, ибо предать предавшего не зазорно. – Боор подошел к магу и положил руку ему на плечо: – Когда в следующий раз захочешь истратить то небольшое, что осталось мне здесь, – он обвел глазами долину, – помни о том, о чем я просил тебя сегодня: говори мне суть. Старость слаба и не любит слушать шелуху, ублажающую слух молодости. Слабость и есть моя сила сейчас. Ты говорил о богах и о туче, а я услышал приказ идти походом на Глыбыра; ты говорил об опасности моему роду от старых богов, но я услышал угрозу из уст новых. И я повинуюсь, беллер, так и передай тем, кто правит мной. Погоди, не ублажай мой слух елеем своего красноречия, он горек мне. Благодарю тебя за волшебство, что даровал ты моему внуку.

– Деда, погляди, что нашел я! – выскочил из-за ближайшего дерева Налагт и бросился к Комту. В руке он держал простую кривую палку. За ним, мерно покачивая боками, шел грухх. – Гляди, как змея она! И глазки есть, деда, гляди...

– Сопона, умерь недовольство. Долго не свидимся мы. – Комт нагнулся в седле и погладил девушку по голове. Сопона была его последней, девятой по счету женой. Она происходила из благородного брездского воинского рода и умела держать себя сообразно древним традициям брездов.

В глазах девушки проглядывала любовь и холодность, одновременно; на лице ее невозможно было прочесть чувств, которые обуревали ее сейчас – это была маска, маска благочестия, самоотстраненности и достоинства, присущая лишь женщинам из благородных брездских семейств.

Во Владии о брездах ходили не самые лучшие перетолки. Их считали солдафонами, которым не чуждо благородство и обостренное чувство справедливости. Их женщины, были уверены владяне, мало чем отличались от мужчин по замашкам и отношению к жизни. Однако в Боорбрезде наличествовала совсем другая картина.

Войско боора, состоявшее, большей частью, из брездов и холкунов, густым однородным потоком спускалось по тропе, коей еще несколько дней назад Комт вел своего внука, восседавшего на Бургоне. Теперь Бургон вез на себе самого боора, а Налагт с завистью смотрел на то, как его дед и отец, Могт, уходят в Синие Равнины на битву со злом, имени которого юному брезду не сказали.

– Лишь вернись. Об одном этом прошу, – проговорила Сопона и холодно улыбнулась. Она, все же, не сдержалась и несколько раз моргнула быстрее прежнего.

– Вернись, – пообещал ей Комт, – иди за стену. Брур еще силен.

Ветер и впрямь мчался по глади реки, разрывая в клочья остатки утреннего тумана. Он выл в арке стены Боорбрезда и хищно набрасывался на знамена войска боора, древки которых стонали от его напора, а полотнища громко хлопали.

– Труби поход, – приказал Комт и радостно зажмурился, когда в небо взметнулись вихрями резкие звуки десятка боевых труб. Он ощутил, как тело его на миг сжалось, словно бы очнулось от долгого сна, встрепенулось и расправило затекшие от долгих годов бездействия мышцы.

Сотни глоток радостно загомонили, и войско пришло в движение.

Шли вдоль Синего Языка или Брездского потока, так называли во Владии реку, вытекавшую из Брездской долины и катящую свои воды по Немой лощине. К середине дня войско оказалось в землях дыкков.

Земли эти представляли собой широкий пояс укреплений, которые запирали Немую лощину с юго-востока, позволяя брездам беспрепятственно проникать лишь в безжизненные земли на Деснице Владыки. Сердцевина Владии была недоступна брездам, отделенная от своих бывших хозяев «землями дыкков».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Цур – рагбар-он оридонцев во Владии, неожиданно, известил Комта о том, что в Оридане принято решение передать земли дыкков брездам. Решение было странным, но Комт, умудренный жизнью, не стал задавать излишних вопросов и не потратил ни дня на размышление. Боор тут же распорядился отрядить к дыккам многочисленный отряд стражи, которая приняла укрепления из рук оридонцев.

Земля дыкков не представляла собой ничего особенного. Укрепления состояли из рва, вала, низкого частокола и приземистых башенок, которые протянулись с юга-запада на северо-восток. Лишь провинциалу и невоину это громадное фортификационное сооружение могло показаться эпохальным. Для глаз опытного воина, коим был Комт, укрепление не представляло никакого интереса. Его умозаключения подтверждались действиями того, кто поднял во Владии такой переполох.

Маэрх без труда преодолевал земли дыкков вот уже несколько раз. Вернее сказать, его заметили всего один раз, а сколько раз не замечали.

– Открыть ворота! – закричали в голове отряда, и массивные деревянные ворота, усыпанные громадными иглами, торчавшими во все стороны, жалобно скрипя несмазанными петлями, начали медленно открываться.

За стеной, обращенной в сторону Боорбрезда, не обнаружилось ничего необычного. Об укреплениях ходили невероятные слухи: будто бы это уже целый город: дворцы, заселенные оридонянами, – чего только не говорили во Владии про это место.

В действительности, глазам войск предстало убогое зрелище: покосившиеся казармы, зловонные сточные канавы и ямы, грязь и смрад, которые всегда сопутствуют местам, где долгое время стоят войска.

– Отец, – подъехал к Комту Могт, – Муравей просится к тебе.

– Не подпускай пока. Как расположусь, тогда и подпустишь. С ним разговор долгим будет. Негоже ему раньше времени меня рассмотреть, да что и как у меня разнюхать. Держи его к себе ближе. Прикажи беседой его извести, а как я с ним поговорю, так выпроводи далеко от войска.

Могт понимающе кивнул. Он с трудом, но постигал ту жизнь, которой жил его отец.

Могт был точной копией Комта, но увеличенной почти в два раза. Таких гигантов Владия навряд ли когда-либо носила на себе. Однако, рост забрал у царевича все умственные силы. Он был туповат и знал это, а потому робел и злился одновременно. Ему не исполнилось и двадцати лет, когда про Могта заговорили плохо. Тупость может мирно уживаться лишь с добродушием и прямоотой, в самом наивном ее виде. Могт полностью соответствовал этому закону. Между тем, повзрослев, он осознал, что недостатков от «пустой головы» у него много больше, чем достоинств. Именно тогда, когда он понял это, тупость его стала приобретать самые омерзительные черты. Она переродилась в подлость и зависть.

В Могте словно бы поселилось два брезда: один беззлобно шутил и от всей души хохотал на пирушках, в кругу друзей и семьи, другой – постоянно прислушивался к шепотам за стенами, ловил взгляды, бросаемые по сторонам другими, и постоянно выдумывал себе все новые и новые загадки о том, кто и с кем хочет навредить ему и его семье.

Единственным живым существом, которому Могт безгранично доверял, беззастенчиво поклонялся и восхвалял, ставя выше себя, был Комт – его отец, ибо только Комт поощрял в нем то, что другие порицали.

– Когда ты станешь боором, то не будешь принадлежать самому себе, – учил сына отец. – Когда ты боор, твой народ – твоя семья, и думать тебе надлежит о благе твоего народа, как о благе твоей семьи. И для этого ни перед чем не остановись. Тебе все проститься, ибо ты заботился о многих. Кугун примет тебя на лугах своих и опоит медовым настоем, как героя и праведника.

Комт был тем, кто заложил в недалеком Могте веру в то, что политика – дело мерзкое, но необходимое, и подменять мерзость благонаравием есть ни что иное, как пытаться уничтожить политику. Последнее же невозможно!

Для Комта уже поставили большой шатер, уставленный по кругу жаровницами, в которых горело разноцветье дорогих во Владии рочиропсов зеленого и красного цвета. У самого же ложа горели фиолетовые кристаллы.

Боор спустился с грухха. Мало, кто заметил, как подбородок его слегка дрогнул. Лишь пройдя в шатер и оставшись один, Комт тихо застонал, тяжело осел на ложе и потер рукой колени. Старость отдавалась в них нестерпимой болью.

Старый брезд приказал слуге придвинуть жаровни поближе, почти к самым коленям, и с наслаждением ощущал, как жар от кристаллов заставляет боль утихомириться.

Пола шатра шевельнулась и на пороге возникла невысокая фигура.

– Аб? – бросил в нее еле слышно Комт, и фигура приблизилась. Молча она протянула боору фолиант, поклонилась и выпорхнула вон.

– Отец, – заглянул в шатер Могт, – я прикажу вести его.

– Кого?

– Муравья.

– Да... да! Веди... теперь надобно мне его... – Говоря это, Комт незаметным движением убрал фолиант под валик подушки и уселся поудобнее.

– Мой боор, – вошел в шатер Эвланд и поклонился. За ним последовали еще несколько брездов. Предпоследним вошел Могт, а за ним Муравей.

Муравей был пасмасом невысокого роста с тем типом лица, которое не выражало ничего и не было заметно нигде. Муравей обладай той исключительной особенностью, которая подталкивает либо стать шпионов, либо вором, – внешность Муравья была настолько обычной, общепринятой и легко воспринимаемой, что он казался холкуном среди холкунов, реотвом среди реотвов и сараром среди саараров. Окажись он среди брездов и оридонян, он сошел бы и за них, хотя роста был малого и имел всего две руки.

– Владетель, – поклонился боору Муравей и замер.

– С чем вернулся ко мне? – спросил Комт.

– Хорошие вести, боор. Нам удалось выманить холведов. Едва перевалы откроются, они придут. В том Грозор заверяет тебя клятвой.

– Грозор слишком часто дает клятвы. Пусть клянется за себя, за других же нечего клясться. Не ему клятва за них принадлежит, но им только.

– Я передам Грозору твои слова боор.

– Что еще?

– Грозор также предупреждает тебя, что в ларгах неспокойно. Смута в них зреет. Против нас смута. Советы их промеж собой много разговоров ведут.

– Грозор может говорить лишь за Холкунию Прибрежную. В Чернолесской Холкунии нет такого, – вмешался в разговор Эвланд, испросив разрешение на это у боора одними глазами. – Но дурные вести это. Кого за смутой видит Грозор?

– Конублов саарарских, мой беллер, – обернулся на мага Муравей. – Много шуму делают они в Пасмасии и Холкунии Прибрежных. Земли скупают. Пасмасов притесняют, а с холкунами дела делают, соблазняя их доходами.

– Кто у нас там сидит хол-холларгом? – грозно спросил Комт. Один из стоявших рядом с Эвландом беллеров закопошился и изрек: «Неикарп». – Поступали ли от... Неикарпа подобные известия? – обернулся боор на сына. Тот, в свою очередь, обернулся себе за спину, что-то спросил и ответил: «Нет, боор». – Слепец, али предатель? – риторически бросил в толпу приближенных Комт. «Предатель», выдохнули стоявшие под сводами шатра. Боор кивнул в такт выдоху придворных и бросил грозный взор на сына. Последний тут же повернулся себе за спину и прорычал: «Пригнать сюда!» Один из воинов поспешно вышел вон. – Какие еще вести от Грозора? – продолжал выспрашивать Комт.

– Холмогорье замирено, хотя пираты продолжают тревожить побережье у Холведской гряды. Изловили их без числа в последний поход на них, поутихли... но это пред Хладовеем всегда бывает, а по Жаровею вновь обретем врагов у вод своих. Коли...

– Грозору надобно одно понять, – перебил вестового Комт, – рубить не ветви надобно, а коренья. Без толку гоняться за пиратами, коли деревни их в беспечности пребывают от разбоя. Повесите одних, народятся новые. Надобно сделать так, чтобы не нарождались. Реотвы, я слышал, нам подобны, и плодоносят через женщин. Здесь и корень. Али Грозору такую истину понять невмоготу?

– Понимает он, мой боор, – несколько быстрее обычного отвечал Муравей. «Неплохо ему при Грозоре живется, коли бросился защищать», – подумал про себя Комт, глядя на пасмаса. – Да только флот ты запретил держать при Грозной твердыне, а без него войску твоему, что в Эсдоларге стоит, не переправиться через Великие воды. Через холведов только Грозор сможет до Холмогорья добраться. Через...

– На перевалах Глыбыр Длинномеч стоит, мой боор, – шепнул на ухо Комту Эвланд.

Комт и не собирался гневаться на слова посланца, хотя они больно кольнули его. Боор был слишком мудр, да и слишком устал, чтобы тратить силы на гнев, причиной которому были вовсе не бездействие Грозора, а его собственное положение. Цур запретил брездам держать флот у Грозной крепости, ибо оридонцы отдали Великие воды саарарам, которые мало, что смыслили в мореходстве. Боор понимал, почему оридоняне совершили такое. Только через это, они могли малыми силами контролировать владянское побережье. Из этого и приходилось исходить Комту.

Он бесстрастно посмотрел на беллера. Тот угодливо кивнул, и не заметил, как в глубине глаз боора вспыхнули огоньки ненависти и обиды.

– Все ли у тебя? Коли нет, то остальное отдай Могту. Иди с ними, Эвланд. Я устал и хочу отдохнуть, – сказал бесцветным голосом Комт.

Когда все удалились, старый владыка боком повалился на свое ложе. Его глаза смотрели прямо перед собой, словно бы он видел нечто внутренним взором. Мысли, роившиеся в его голове, наконец, выстроились в правильные шеренги и медленно прошептали во тьму.

Старость многому научила Комта, но самое главное, о чем он не уставал повторять всем, хотя и понимал, что его никто не слышит, – самое главное, чему научила старость, – видь корни проблемы.

Мало, кто понял бы сейчас, зайдя он в шатер, что боор оглядывал далекое прошлое, настолько далекое, что даже и Эвланду не дано было проследить мысли боора на такое расстояние.

Комт любил власть. Сначала, он думал, что любит ее, и стыдился этого, ибо негоже воину любить власть. Власть сладка, учили его, а потому до нее падки лишь слабые, к коим причисляли беллеров, холкунов и реотвов. Именно поэтому все они находились в подчиненном положении к настоящим брездам-воинам. «Ни одна власть не защитит от удара добротного топора!» – гласила самая главная присказка брездов. Потому-то бооры, коими становились исключительно высокие брезды-воины, занимались военным контролем над Владией и мало внимания уделяли политике.

Таким был Глыбыр, этот выскочка-дровосек из бедняцкого полувоинского рода, таким же был и Фугт, великий боор до Глыбыра. А Комт таким не был.

Долгое время он пребывал у власти, ходил вокруг нее, как ребенок ходит у конфеты, лежащей перед ним, но запретной. У него текли слюнки; он изнывал от вожделения и томился истомой, попутно совестясь и изводя себя самобичеванием.

Комт был доблестным воином, и воин кричал в нем обидное в адрес тому, кто много лет зарождался в будущем бооре.

Эвланд много зим назад донес ему слова Черного мага-безымянца, возглавлявшего чернецов при Боорбрезде. Черный маг передавал ему послание богов о том, что во Владию пришли перемены, и что ему надлежит быть их орудием. У Комта-воина не хватило мозгов понять то, что потом понял Комт-боор. Но было слишком поздно.

Чернецы выполняли волю магов из Оридонии. Комту было неизвестно, когда они впали в зависимость (и впали ли вообще!) от воли оридонян, и почему позволили врагу захватить Владию, которая столько веков оберегала чернецов от доуенов.

Комт-боор не спрашивал ни о чем подобном. Он видел, все, кто задавался подобными вопросами, исчезали за непроницаемой завесой, которая отделяла мир живых от мира мертвых. Борясь с отвращением к себе, боор пил столько, сколько не пил никогда. В пьяном бреду он твердил лишь два слова: «обман» и «пользуют». В конце концов, он извел себя так, что хотел было восстать против оридонян, но Эвланд уговорил его не делать этого. «Коли и ты пойдешь против, лишь хуже сделаешь», – сказал он ему. – «С тобой владяне имеют правителя, и ты можешь защитить их в меру своих сил. Без тебя же они останутся сиротами, и претерпят многое из того, от чего ты их уберечь сможешь».

«Трус!» – кричал воин в Комте. Но боор задавил воина в себе и стал политиком. Душа его почернела от этого, он чувствовал, но мысль, единственная мысль билась в его голове подобно тонкой жилке: «Без тебя они останутся сиротами, и претерпят многое из того, от чего ты их уберечь сможешь».

Комт получил власть, но сладка ли была она для него?! Нет, она была горька. Очень горька! Ее вкус на губах боора отливал предательством, трусостью и терпким металлическим запахом крови.

Глыбыр был оболган и очернен. Из него сделали предателя, свалив на бывшего боора все грехи боора нынешнего. За Глыбыром придумали некий народ, который обозвали холведами. По Владии усиленно разносились слухи о том, что Глыбыр был не брездом, а полукровкой, холведом, а потому все сделал, чтобы холведам жилось хорошо.

Владяне плохо знали окружающий мир, а потому не составляло большого труда ввести их в заблуждение. На вопрос о том, кто такие холведы, лжецы боора отвечали, что это подленький народец, веками проживающий в Холмогорье. Такого объяснения было достаточно, чтобы все вопросы отпадали. Реотвов и Холмогорье во Владии никогда не любили. И мало, кто знал, что придумке о холведах нет еще и тридцати зим.

«Фр-р!» встрепенулся за стенкой шатра грухх. Что-то приснилось ему, что-то неприятное, раз он проснулся в восклицании.

Могт вздрогнул. Его взгляд, из помутневшего, стал ясным и живым. Боор перевернулся на спину, а после сел. Выудив из-под подушки фолиант, он углубился в его чтение.

«Мой боор, благословения тебе и долгих зим пребывания над нами», – так начиналось то, что оставила одному лишь Комту известная рука на шкуре-фолианте. Боор поморщился. Давно, очень давно он перестал придавать значение высокопарности, а потому пробежал глазами еще с десяток строк и... улыбнулся.

После множества восхвалений и низкопоклоннических витиеватых фраз письмо вдруг и сразу стало сухим и по-деловому прямым. Перед глазами старого воина всплыл образ грязной клетушки с низким потолком, черным от копоти, и согбенная фигура, сидевшая за раскошшимся подобием стола. Рядом с ней сидела еще одна фигура, много моложе.

Комт никогда не называл имена этих двух существ, не позволял себе даже думать о них определенно, ибо это были олюди, которым он доверял больше, чем себе.

«Ты многое написал мне про пророчество, многое объяснил, но того не знаешь, что очистил под ногами моими сор, и я вижу, ясно вижу теперь дорогу, по которой проведу тебя.

Эвланд – предатель, и о том я говорил тебе не раз. Ежели ты ему об этом прямо сказал, преклоняюсь я перед тобой, а коли у тебя после этого ни коллик, ни резей зубных, али животных не было, то правильно все мы с тобой порешили. Нынче ты им нужнее нужного. Нужнее, чем когда-либо нужен был.

Пророчество, которое Эвланд поведал тебе, не пророчество вовсе, а легенда. Есть в нем и пророчества чуток, но более обман. Как и тогда обман был, когда чернец-безымянец тебе советы давал.

Ты выступил. Я знал, что выступишь. Не сможешь долго такое удерживать. И ты не смог. За то преклоняюсь перед тобой, ибо предавший оправдывает себя только, ежели от удара всеискупающего падет, и тем обернет предательство свое на славу тому, кого предал.

Эвланд многое сказал тебе, но одного не сказал, – тот, кто прошел равнины, тот, кого зовут они Маэрхом – не есть он начало возврата к истинам владянским, ибо должен он встать на перепутье, и куда пойдет Великонеобратимое не ему решать, но тебе. Ты есть и начало, и конец Великонеобратимому. Это они от твоего ума охраняют. Этого более всего боятся, а потому, едва белое око Владыки достигнет середины небес, отпей. Но прежде, чем отопьешь, вспомни того, кого предал».

Комт отложил письмо и поднялся на ноги. Осторожно выглянув из шатра, он посмотрел на небосклон. Луна находилась в зените. Боор возвратился в полумглу своего становища, освещаемую всполохами кристаллов, и с тяжелым вздохом опустился на ложе.

Перед его взором встало молодое, но волевое лицо Глыбыра Длинномеча. Он смотрел на Комта с улыбкой, открыто и ласково. Никогда иного взгляда не видал от него Комт. Тем тяжелее было предательство, на которое пошел старый теперь боор. Эвланд призывал убить Глыбыра и всю его семью до третьего колена. И Комт поддался его уговорам, но когда воины вернулись на место битвы, то не смогли найти тело прежнего боора. В Боорбрезде также не оказалось ни самого боора, ни его семьи. Погоня настигла их лишь у Эсдоларга, но город не выдал их Комту. Потом была осада и резня за неповиновение, но и в том кровавом месиве семья боора эсдоларгцы сумели спасти и переправить за Меч-гору.

Комт заскрипел зубами. Как и всегда, когда он долго думал о Глыбыре, образ последнего перед его взором становился все более размытым и приобретал очертания зверя с ощерившейся пастью. Глаза его более не смотрели дружелюбно, но горели огнем ненависти.

Комт не выдержал, отвернулся и замотал головой. После этого, судорожным движением он схватил небольшой бутылек, вокруг которого был обернут фолиант, и залпом осушил его. Со вздохом облегчения боор улегся на ложе и тут же заснул.

Войско боора шло с севера на юг. Везде и всюду на пути движения брездских войск сообщалось, что боор идет наказывать саараров за наглость, которая толкнула их на разбой в землях холкунских и пасмасских.

Однако у самой границы Прибрежья армия Комта резко развернулась и спешным маршем пошла на восток, к Холведской гряде.

Гулкий лязг от камня, соскользнувшего в небольшую расщелину, громом отозвался в ушах Глыбыра Длинномеча. Он задохнулся от набежавшего потока крови и, не открывая глаз, вскочил на ноги.

– Боор? – окликнули его осторожно.

Глыбыр открыл глаза и осмотрелся. Всюду, насколько хватало глаз, он наткнулся на воинов, лежавших на камнях. Брезды, холкуны, пасмасы, реотвы и даже саарары пребывали в войске, которое ему удалось собрать для решающей битвы за Владию.

Много зим он готовился к этой битве; много сил было потрачено на переговоры и убеждения, и вот, наконец, срок пришел. Под его началом находилось более двадцати тысяч воинов. Почти все пехотинцы, но была и конница. Немного, но была.

«Не надобна она мне особо», – успокаивал себя Глыбыр. Полководческое чутье говорило ему, что он прав. Битва произойдет у стен Эсдоларга. Конница при штурме твердыни ни к чему. А если к проклятому Грозору – холларгу Эсдоларга, подоспеет подкрепление, то местность у крепости лесистая и Глыбыру без труда удастся остановить удар конников. На этот счет уже даны были распоряжения, и отряд дровосеков был готов вытесать колья, едва армия достигнет лесов у твердыни.

Особо душу Глыбыра грела мысль о том, что в крепости у него много сторонников, и, возможно, Грозора ему просто швырнут со стены, а ворота сами собой откроются.

Длинномеч потянулся и широко зевнул. Кольчуга на его могучей груди вздыбилась, как шерсть на хищнике и со звонкими переливами опала, едва он опустил руки. Тут же ухватив свой любимый меч, Глыбыр поднял его над головой и несколько раз взмахнул им. Он почувствовал, как напряглись мышцы, а по сосудам волнами разошлось тепло от прилившей крови.

– Гедагт, – позвал он, – спишь ли?

– Нет, отец. Я жду сигнала.

– Не вернулись еще глаза наши?

– Нет. Я указал им не возвращаться, но знак подать рочиропсами во-он с того склона.

– Хорошо. Поднимай войско.

– Похо-о-од! – зычно закричал Гедагт, вставая на ноги при помощи громадного топора.

– Похо-о-од! – подхватили его клич в разных концах воинского стана.

Подосва горы пришла в движение. Из-под грязно-серых плотных шерстяных плащей один за другим появлялись воины. Зевая и протирая глаза, они нехотя поднимались на ноги и сходились к тропе, по которой намеревались продолжить движение, прерванное на ночь.

Вскоре армия двинулась вперед.

– Не ждут нас, – сказал Гедагт, указывая отцу на бледное свечение на одном из склонов горы. Разведка доносила, что путь открыт.

– Все одно, вышли во все стороны соглядатаев. Опасность никогда нельзя приуменьшать, – приказал Глыбыр.

Солнце медленно выползло из-за горного хребта и стыдливо заглядывало в сумрачные ущелья и трещины Холведской гряды, будто бы боялось открыть в них нечто такое, за что мир не скажет ему спасибо.

Перевал скрипел под ногами Глыбыра мелкой каменной крошкой. Дойдя до самой высокой точки, боор остановился и на мгновение замер восторженно. Далеко впереди чернела главная башня Эсдоларга – то, к чему Глыбыр стремился много-много лет.

Лязг железа и грохот удара топора о щит сотрясли округу. Деревья, еще опущенные снегом, вздрогнули и будто бы застонали. Стайка крошечных птах, неизвестно как оказавшихся в этот час на перевале, взметнулась к небесам и стремглав понеслась в низину. Тяжелый хрип вырвался в морозный воздух, густо хлопнула мутная лужица под ногой.

Холкун оступился и повалился спиной в жижу, состоявшую из талого снега и грязи. Он прикрывался щитом, носившим на себе следы двух мощных ударов.

Второй холкун, стоявший поодаль, не был обременен тяжелым щитом, а потому проворно уворачивался от ударов топора и меча, которые обрушились на него.

– Злой, поднимайся... одному мне... ух! – Второй холкун повалился на землю, но не распластался, а покатился в сторону.

– Поднимаюсь, – прорычал его более грузный товарищ. Холкун с большим круглым щитом встал во весь рост. Его противник сделал шаг вперед и замахнулся. Он не ожидал, что холкун не отступит и прикроется щитом, но, наоборот, сделает стремительное для его комплекции движение и схватит его за горло.

Хруст. Хрип, и тело врага обмякло и повалилось снопом в весеннюю жижу.

Лес, в который раз вздрогнул от грома ударов и от лязга железа.

– Братцы, на помощь! – закричал враг Злого, оставшийся в одиночестве. Он тоже был холкун, но значительно меньше ростом, нежели Злой.

– Ты держи его, – тяжело сипя, скомандовал еще один холкун, нападавший на сноровитого врага, своему товарищу и поспешил на помощь противнику Злого. Но не успел...

Отразив очередной удар врага, Злой сделал вид, что отступил, ловко снял с руки щит, и, держа его за край, резко выбросил вперед. Словно громадный диск, щит обрушился своим ребром на холкуна и сбил его с ног. Злой напрыгнул следом и размозжил лицо холкуна своей ногой. Подняв с земли два топора, он с улыбкой повернулся к подбежавшему холкуну. Последний остановился и мертвенно побледнел.

– Ну, чего стоишь, достопочтенный? – позвал его Злой. – Подходи уж.

– Дай дух перевести, хол, – отвечал ему враг, насторожено следя за каждым движением Злого.

– Хорошо, отдохни чуток, а я покамест Птенцу помогу.

– Не ходи к нему, пусть уж вдвоем порешают, чья правда сильнее.

– Нет за вами правды, – Злой спокойно пошел туда, где Птенец дрался за свою жизнь, – потому и нечего нам с тобой говорить.

– Коли правды нет, так почему же мы Владией владеем, а вы, как тати, в углу темном сидите? – подначил его враг.

– Потому что за вами оридоняне хоронятся... И не владеете вы ничем...

Холкун неожиданно бросился на Злого. Его лицо искривила гримаса полу боли полу страха. Удар меча врага Злой принял на топорнице, а кривым лезвием другого топора закрыл лезвие меча в замок. Удар ноги Злого был настолько силен, что холкуна отшвырнуло в сторону. Из его рта потекла слюна вперемешку с кровью.

Птенец вскрикнул и упал навзнич. Холкун, его враг, бросился на него, но Птенец успел схватить топорнице и предотвратил смертельный удар. Оба воина повалились в талый снег, принявший их с гулким скрипом.

Злой усмехнулся, увидев эту картину. Он подошел к лежавшему на боку врагу, легким ударом топора поддел его за ключицу, отвел плечо, и вторым топором срубил голову. Покончив с этим, Злой направился к борющимся воинам.

Оба они, и Птенец, и тот, кто навалился на него, были юнцами, а потому дрались с неподдельной злобой и ненавистью. Пыхтя, а, иной раз, и взвизгивая, они толклись в жиже, как деревянные боровы по лету. Ни один не готов был уступить.

Злой остановился подле них, возвышаясь над вояками подобно утесу. Потом он крякнул, что означало у него смех, опустил руку, схватил холкуна-врага за пояс и поднял его вместе с Птенцом, который вцепился в противника мертвой хваткой.

– Будет вам. – Злой стряхнул Птенца с врага, а последнего поставил на ноги. Тот попытался снова пойти в бой, но скрючился надвое, получив тычок пальцем в бок.

– Ой... чего ты!.. – Противник-молокосос осел на землю.

– Откель ты будешь-то? – спросил Злой.

– От боора я, – прохрипел молодой воин.

– Чего тебе здесь?

– Разведываю.

Злой понимающе кивнул.

– Далеко ли?

– Нет. Близко. За той горой идет.

Злой снова кивнул и что-то пробормотал себе под нос.

– Ладно, – сказал он, – беги отсель.

Юноша резко поднял голову и посмотрел на Злого глазами, полными слез. Он не поверил его словам.

– Отпускаешь разве?

– Да. Мне не с тобой повстречаться надобно. Не моего ты поля ягодка. Пошел прочь!

Легкий пинок подкинул юнца над землей, и тот понесся прочь, что было духу.

– Ты жив-то? – спросил Злой.

– Жив, дядько, жив...

– Бежим к ручью. Весточку передадим, а там пусть Владыка судит нас.

– Чего это?

– Вижу конницу их. От нее не уйдем. Вон, завидели они своего. Теперь до нас дело дойдет. Поспешим, братец! – И оба воина бросились наутек.

– Какого ларга ты житель был? – Комт подался вперед с интересом всматриваясь в воина-холкуна, стоявшего перед ним.

– Валноларга, боор, – отвечал тот со спокойствием.

– Как звали тебя... тогда?

– Зол из рода Дасков.

– Вижу, умудрен ты годами. Посечен немало. Умел ты, Зол из рода Дасков, как я погляжу.

– Есть такое, боор. – Легкая улыбка польщения тронула губы холкуна.

– А этот, кто?

– То племяш мой. Птенец его кличут.

– И впрямь, похож! – Комт расхохотался. – Люблю я вас, холы, за смекалку. Птенец...

Злой и Птенец стояли перед боором из Боорбрезда и более походили на правильно оформленную кучу грязи, чем на воинов. Конная разведка нагнала их за ручьем, и вдоволь изваляла в грязи и намяла бока, помятуя о четырех трупах, которые оставили после себя соглядатаи Глыбыра.

Комт с интересом разглядывал обоих, и глаза его, помимо воли, наполнялись болью. Перед ним стояли ровно такие же холкуны, как и те, кто стоял позади плененных. А битва соглядатаев, так ее уже окрестили в лагере боора, ярко показала глубину раскола владян, ибо в ней двое холкунов дрались против пяти. Холкуны убивали холкунов!

– Ты, я слышал, Злым зовешься?

– Да, боор.

– Злой, а отпустил моего воина? Чего так?

– Без надобности кровь холкунскую проливать не хочу. Только и всего, боор.

Комт неожиданно изменился в лице и отвернулся.

Птенец со страхом посмотрел на Злого, а вдруг не то сказал, но Злой стоял спокойно и гордо смотря на повелителя Владии.

– Как с Глыбыром разделаюсь, пойдешь ли ко мне в войско? – неожиданно спросил боор.

– Нет, – без раздумий отвечал Злой.

– Верен ему?

– Стар я, боор. Все своими глазами видел, а дальше... дальше ты и сам поймешь.

Комт потупился, и поднялся с трона.

– Коли так, то... – Комт подозвал к себе другого брезда и что-то ему тихо сказал. Брезд блеснул зло глазами в сторону пленных и кивнул.

– Чего теперь, дядька?

– Теперь... воля Владыки теперь над нами...

– Окончим это да уйдем, боор. – Сухопарый воин-брезд поднялся с камня и подошел к краю выступа, с которого открывался прекрасный вид на Эсдоларгскую долину.

– Нет, Накогт, нам должно здесь... Отец, нельзя уходить. Надо биться! – Гедагт отмеривал шагами ту же площадку и с тревогой смотрел на отца. В глазах его плясами нездоровые огоньки. Они всегда появлялись в его глазах перед битвой.

Глыбыр с тоской смотрел в глаза сына. Он видел эти огоньки и знал то, что не решался высказать. Никогда не быть Гедагту боором. Он хороший воин, но плохой боор, ибо воинский раж овладевает им задолго до начала боя и не дает думать.

– Комт прошел ручей и лишь один пеший переход отделяет его от Эсдоларга.

– Что думаешь, Скоробой? – Глыбыр обернулся на другого воина-брезда, который сидел подле боора и медленными движениями камнем оттачивал лезвие своего топора. Иной раз он сплевывал на исцарапанную поверхность полотна и внимательно вглядывался в нее, ища одному ему понятные знаки.

– Думка у меня, боор, такая, – начал он. – Делать нам шаг назад, али шаг вперед. Коли назад пойдем, то при том же останемся, при чем были...

– Нет, отец, – вмешался Гедагт, – покинут нас и саараряне, и реотвы. Опять при нас лишь немногие усядутся. Пока согласие есть...

– Погоди, Гедагт, ты свое слово скажешь. Всему свое время, – остановил его Длинномеч. – Продолжи, – обратился он к Скоробойю.

– Коли же мы вперед идем, то надобно тебе, боор, решить, либо мы их по-разному бьем, либо всех сразу.

Глыбыр кивнул его словам. Он и сам так думал.

– Брер, – заговорил Накогт, обращаясь к Скоробойю, – ты обрекаешь нас на поражение. Куда спиной стоять? К твердыне, али к войску Комта?

– То-то и оно, Кузнец, – согласился точивший топор, – что тяжелее всего выбор у нашего боора.

– Как бы ты сделал? – спросил Глыбыр.

– Я бы пошел на Комта потемну и разбил его. А после уж осадил Эсдоларг и взял его.

Длинномеч отвернулся лицом к долине и замер на некоторое время.

- Боор, – голос Эвланда звучал мягко, но настойчиво.
- Комт открыл глаза и сел на ложе: – Чего тебе, беллер?
- Опасность близка, мой боор.
- Ты слышишь?
- Да, боор. Они уже близко.

Комт свесил ноги долу и с трудом встал. Кольчуга, надетая на нем, гулко звякнула своими чешуйками. Он поднял шлем с изголовья и пошел вон из шатра.

Стояла густая туманом эсдоларгская ночь. Сизые тучи сокрыли луну, не давая свету от нее пробиться на землю; горные цепи ограждали от взгляда горизонт, делая пространство непроницаемо темным. Свет от рочиропсов тускло освещал пространство лишь на два шага вокруг.

Мало, кто в войске боора понял его замысел, а те, кто понял его, не принял. Могт не принял, хотя и сделал вид, что покорен приказу отца. Войско могло без труда дойти до Эсдоларга ночью и лечь спать за мощными каменными стенами крепости.

Вместо этого, войска разместились посреди леса, где враг мог подойти вплотную, оставаясь незамеченным.

– Призови Меченого, – приказал Комт. Через некоторое время к нему подошел художавый пасмас, половина лица которого была сокрыта черным родимым пятном. – Поднимай своих воинов, Меченый. Будем идти к крепости. Остерегайся нападения.

- Первым мне сниматься, боор?
- Нет, пойдешь в отряде левой руки. Будь настоroje.
- Да, мой боор. – Меченый скрылся в темноте.

Комт улыбнулся, когда спина воина слилась с туманной мгой.

Он неплохо придумал направить неудержимую злобу воров, убийц и других преступников в нужное ему русло. Сколотив из них несколько отрядов по две сотни воинов, боор пообещал им свободу за поход с ним – небольшая плата взамен на то, что им предлагалось заплатить.

- Аб, – тихо позвал боор, – где они?

Рука лазутчика указала вправо от боора.

Армия поднялась, выстроилась в походные колонны, и двинулась вперед. Шли как можно тише.

- Вижу их. Видишь ли? – Голос Гедагта взволнованно дрожал.
- Уткнись ты, трещалка, – осадил сына Глыбыр, – да лежи, не шевелись.
- Теперь уже и Глыбыр различал, как между деревьями белыми зайчиками прыгали пятна света, отбрасываемые рочиропсами.
- Много их, – снова вырвалось у Гедагта.

Скоробой и Кузнец одновременно потеряли руки, готовя их к работе с топором, а Глыбыр, сам неведая того, нервно поводил ладонью по наверхию меча.

Лесную тишину все отчетливее и отчетливее нарушали звуки шагов. Вскоре можно стало различить и дыхание, которое испускало воинство.

Глыбыр оттолкнулся от ствола дерева и медленно пошел навстречу вражескому войску. Дышалось отчего-то тяжело. Он всем телом ощущал прелость, исходившую от земли. Остановившись на пути первого врага, боор поднял над собой меч и обратил лицо к небесам:

- О, Владыка, – зашептал он, – пусть этот удар положит начало освобождению Владии.
- А-а, – выдохнул изумленно пасмас, в свет от кристаллов которого попало могучее тело боора. Молнией блеснуло широкое лезвие меча, и тело пасмаса развалилось на две части.

– Ар-р-р! – донеслось слева.

Могт и Комт одновременно повернули головы в ту сторону. Эвланд невольно направил своего грухха ближе к телохранителям боора.

– По Меченому ударили, – проговорил Могт. Он скосил глаза и с надеждой посмотрел на отца. Но Комт продолжал ехать вперед. Он словно бы задумался о чем-то, что находилось далеко от этих мест.

– Бафогт, – вдруг позвал Комт, и когда перед ним возник лучший его полководец, боор кивнул ему, делай.

– Да, боор.

Через несколько мгновений мимо Комта проскакали отряды конницы. Шум битвы на левом фланге воинства нарастал.

– Пришел и наш черед, сын, – проговорил, наконец, Комт, и направил грухха влево.

Сомкнув ряды, двести телохранителей боора рысцой пошли на врага. Их удар был силен, но не всесокрушающ – бегу груххов мешал лес. В тот момент, когда боор пришел на помощь Меченому, отряд последнего был почти перебит.

Телохранители боора наскочили на темные фигуры, заполонившие собой пространство между деревьями. Рубка вспыхнула с новой силой.

Могт был в первых рядах. Комт видел его спину и несколько мгновений залюбовался спокойными уверенными размеренными действиями сына – он стал опытным воином.

– Мой боор, – услышал вдруг у своих ног Комт голос Меченого. Он опустил глаза и наткнулся взглядом на пасмаса. У Меченого была рассечена бровь, порвана щека, а правая рука болталась на одном сухожилии. Он был с ног до головы вымазан кровью и дрожал от слабости. – Нас разбили, мой боор, – прошептал одними губами Меченый и повалился на землю.

– Я знаю, – ответил Комт, заглядывая в глаза воина, покрывавшиеся мертвой поволокой. Устало вздохнув, боор сказал себе: – Теперь и мне срок настал. – Он ударил грухха по бокам и понесся в гущу схватки.

– Еще немного бы, братцы, и я дотянулся! – Воинский кружок у ярко светивших рочи-ропсов взорвался одобрителем хохотом. – Самую малость не достал! Самую малость!

Холкун, говоривший все это, сидел среди разномастной воинской братии и весело хмурился. На щеках его пылал румянец. Огорчение никак не шло на его лицо. Было заметно, что он горд собой и тем, что едва не совершил.

– Удачливый был сегодня. Мало того, что едва Предателя не укукошил, дык еще и без синяка, без царапины из сечи вышел, – по-доброму завистливо говорили его товарищи, толкая счастливого в плечи, спину и бока.

Глыбыр улыбался, слушая разговоры солдат. Давненько не было такого, чтобы он одерживал победы. Вернее сказать, давненько не было таких больших побед.

Сам Комт Предатель – ни кто иной, как он – был разбит сегодня Глыбыром в лесу у стен Эсдоларга. Не помогла даже вылазка гарнизона, который тоже попал в засаду и был сильно потрепан.

На поле битвы остались лежать более двух тысяч вражеских воинов и всего семьсот воинов Длинномеча.

Комт с остатками воинства закрылся в Эсдоларге.

Однако и там, Глыбыр это точно знал, Предатель не найдет успокоения. Слишком многие помнят, как он предал их Владию, сдав ее оридонянам.

– Ну врешь жеж! – донеслось до слуха Глыбыра от другой кучки солдат. – Прямо перед ним стояли?!

– Прямо перед ним.

– И говорил с вами?!

– Вот как сейчас ты со мной, так и он говорил с нами.

– А какой он? Чего же ты ему сказал?

– Старый очень и... спокойный... Ничего... я ничего, а дядька сказал... Чего сказал? Гордо сказал, что не предадим мы нашего боора!

Длинномеч посмотрел в сторону говоривших. Среди десятка воинов стоял холкун не более двадцати зим от роду. Он походил на едва вылупившегося птенца, так худы были его шея и руки. Но грудь, гордо выпяченная вперед, говорила о том, что этот хлюпик тоже чем-то гордится.

– Потом чего же?

– Потом отвели нас к дереву да привязали. После, когда выступили они, нас следом погнажи, а как вы напали, позабыли про нас. Тогда дядька распутался и меня распутал. Мы и побегли.

– Вот это да-а-а! Не зря про Злого легенды ходят, холы, ой, не зря!

– Отец, – окликнул боора Гедагт, – посмотри.

Глыбыр пошел на звуки голоса сына и вскоре очутился подле него. Гомон воинского стана стих за его спиной и отчетливее стали слышны звуки, доносившиеся из Эсдоларга. Словно бы маленькие скляночки переливались за стенами.

– Ты знаешь Злого? – спросил боор неожиданно даже для себя.

– Злого? Коли о Золе говоришь, да, знаю. Кто же его не знает, – отвечал Гедагт. – Вроде, дерутся. – Он кивнул в сторону стены.

Если бы не темнота, которая опускалась в долину тогда, когда на равнинах лишь вечерело, Гедагт заметил бы, как его отец побледнел.

– Кузнеца и Скоробоя мне призови, – выдохнул он единым рыком. Гедагт оглянулся, кроме него подле отца никого не было, и бросился исполнять приказ. Накогт и Скоробой подбежали к боору. – Твердыню брать надобно, – заговорил Глыбыр в волнении. Лишь сейчас он разгадал звуки, долетавшие из-за стен.

На улицах Эсдоларга шла резня. Слух о том, что Комт разбит (распущенный Грозором по приказу самого боора) быстро разнесся по городу, а вид пришедшего в расстройстве войска придал несогласным с властью Предателя новые силы.

– Сейчас или никогда! – раздались крики, и горожане подняли восстание.

Того и надо было боору. Усмехаясь в пышные усы, он прищурено смотрел на олюдские толпы, подобно грязному потоку залившие улицы города.

– Более всего я, сын, этого боялся, – Комт указал на восставших. Могт стоял подле отца с непониманием глядя на него. – Я предатель, сын. Для них я предатель. Не видели и не увидят они того, что мне виделось и видится. Никогда не признают они, что сделал хорошее. Никогда! А потому я – Предатель. А ты – сын Предателя. С этим и окончишь свою жизнь. Смирись.

Помни, сын, что я тебе сказать хочу. Битва, коли уж грядет, лишь шаг в долгой дороге. Глыбыру никогда меня не победить, ибо я вижу дорогу, он – лишь шаг.

Я долго стоял у стен Эсдоларга, за что ты мне упреки слал. Но, коли видеть дорогу, то выходит, что прав я оказался. Когда бы мы в ларг зашли, то не осмелился бы Глыбыр ударить – слишком силен я для него, а он не дурак. Потому сделал я ему ошибку. Не такую ясную, чтобы он разгадал, ибо нет хуже случая, когда замысел твой разгадан.

Он напал на меня и теперь, я знаю, он всегда делает так, ходит по полю битвы и считает, сколько воинов я ему оставил. Оставил я много, но токмо не воины они, а презренные воры и убийцы. Пусть его, считает! Пусть крепнет в нем мысль, какая должна окрепнуть. Она помощница моя. Самый верный мой союзник.

Угадал я и то, что восстание будет, а потому через Грозора вести в ларг дурные передал. Не прав был? – Комт довольно кивнул на улицы, запруженные горожанами.

– Прав отец! – восхищенно прошептал Могт. – Как и всегда, прав ты! Все по-твоему выходит.

Боор криво усмехнулся и отчего-то подумал о пере, которое, согласно легенде, выпало из крыла птахи, пролетавшей над головой Сина – бога, восставшего против Владыки, когда Син натягивал тетиву лука, чтобы священной стрелой поразить Многоликого-безымянца и захватить себе власть над Владией. Перо, как рассказывал Эвланд, попало в глаз Сина, и он промахнулся. С тех пор, подобные случаи величали во Владии «пером Сина».

– А коли так, то завершим задуманное мной. Бафогт, – позвал Комт, – сходи в ларг да побей этих тварей. Ты же, Могт, ступай к воротам, что со стороны Грозной крепости, да их открой. Но так открывай, чтобы не видно было, что ты открыл. Приодень своих воинов в ветошь, в какую местные олюди рядятся. Как войдет Глыбыр, ты его пропусти...но помни о пере Сина...

Злой, прикрываясь широким щитом, бежал впереди Птенца.

– Голову втяни, – кричал он на бегу. – Стрелы!

Птенец, как мог, попевал за дядькой после смерти родителей ставшим ему и матерью, и отцом. Юноша изо всех сил втягивал голову в плечи, но по шлему все равно пару раз цокнули хищные клювы стрел. Под этими ударами голова Птенца начинала болтаться, как болванчик, и бежавший рядом с ним старый воин-реотв, невольно улыбался.

Отряд Злого оказался у стен Эсдоларга одним из первых. Атака была неожиданной, а потому лучники не успели взбежать на стену в том количестве, в котором их было в городе.

– К стене жмись, ребята, – зычным голосом закричал Злой, – на колено присядь да щит не на голову ложи, а на топориче. Да держи щит не ровно над собой, а косо. Жди камней!

Едва воины разместились под стенами, на их головы и впрямь посыпались камни. Щиты гудели, натужно принимая на себя их удары.

– Чего дальше делать-то? – раздавалось со всех сторон.

– Мелю убило, братцы! – закричали издалека.

Мелей звался тот, кого боор поставил во главе отряда. Смерть командира вызвала бы панику в любом отряде, но только не там, где был Злой. Воины разом обернулись на матерого вояку.

– Прижмись к стенам, да погоди. Я обдумаю, чего делать дальше, – проговорил Зол.

Он не мог знать того, что сказал Глыбыр Меле, когда тот готовился к атаке. «Все на себя принимай, ибо, чем лучше тыобразишь штурм, тем меньше мне сил понадобится, чтобы стену пробить!»

– Делали мы и так... – неизвестно, кому, сказал Злой. Он пребывал в глубочайших раздумьях.

– Ай! – завопил Птенец, которому камень, отскочив от промерзшей земли, попал в ногу. Его крик вывел Злого из оцепенения.

– Холы, те, у кого глаз меткий, выходи от стены на четыре шага, да рази их, когда камни швырять будут! – закричал он. – Те, кто ближе к воротам, тарабарьте в них, что есть силы, но наверх смотрите, как дым пойдем над воротами, тикайте, не то обварят вас.

Воины, в быту разбитные и вальяжные, словно губки впитывали и передавали слова командира. Война меняла всех. Бесповоротно и страшно! Те, кто не успевал поменяться, лежали в грязевой жиже, орошая ее своей кровью и согревая вывалившимися внутренностями.

Топоры заколотили во врата замка. Лучники нападавших, отбегали от стен и разили воинов, пытавшихся сбросить камни. Лучники, оборонявшие замок, не могли стрелять по вражеским стрелкам, потому что нужно было забираться на стену во весь рост и наклоняться опасно вниз. Некоторые смельчаки, которые попытались сделать это, были тут же настигнуты стрелами.

Через некоторое время камнепад прекратился. С грохотом и шипением на воинов у ворот обрушился кипяток, но они успели отскочить и лишь двоим ошпарило ноги.

– Злой, – подбежал к холкуну-великану воин, – сказывают, что наши врата взяли, да в ларг зашли. Что делать будем?

– Не к добру такое, – нахмурился Злой. – Так просто такие твердыни врата не открывают.

– Меля! – подскакал к стене всадник. – Меля!

– Убит он. Чего тебе?

– Приказ боора. Хранить врата, уберечь по-всякому. – Вестовой умчался прочь.

– Дядька, ждать надобно, – заговорил Птенец. Он потирал зашибленную ногу. – Ты куда это?

Злой отошел от стены и опустил щит.

– Эй, вы!.. Там, на стене. Слышали ли, врата нам открылись. Тикайте в башню к боору.

– Лжешь ты, мразь! – отвечали со стены. – Не бывать такому.

– Вам виднее оттуда. – И придав себе беспечное выражение лица, Злой прошел к стене.

На самой стене послышались возбужденные голоса. Кто-то с кем-то спорил.

– Мне велено вас стеречь, чтобы не убежали, – закричал из-под стены Злой. – На вас идти не велено. Не здесь решается все. – Дядька повернул тревожное лицо к Птенцу: – Слушай меня. Тебя, да еще с десятков воинов здесь оставляю. Коли выбираться будут, то не иди на них. Сильнее они. Ты к стене жмись, и дерись.

– Здесь мне быть, что ли? – не понял Птенец.

– Да.

– А ты куда же?

– Не твоего ума дело.

Злой собрал отряд и стремглав помчался к открытым вратам.

Давно это было, думалось ему, но он жил в Эсдоларге, и помнил хорошо каждую трещинку на стене замка. Память подсказала ему, что открытые ворота будут от него через одни врата.

В поле у замка лежали несколько сот убитых воинов боора Глыбыра. Пронзенные стрелами, почти все молодые солдаты, трупы лежали в разных позах, погребяемые медленно падавшим с небес снегом.

– Погоди, – остановил топорищем особо ретивого воина Злой. Он осторожно заглянул в открытые настежь врата.

Ворота выводили на небольшую площадь, заваленную мешками и разного рода мусором. Площадь расходилась в стороны двумя кривыми улочками, сплошь заваленными убитыми солдатами и жителями города.

– Чего же так? – пробубнил себе под нос Злой. – Даже стражу не оставили подле...

Он не успел добормотать свои мысли, как врата задрожали и стали закрываться.

Злой сделал скачок вперед и проскользнул между створками. Его появления никто не ожидал. Два брезда, одетые в добротную кольчугу, с удивлением уставились на холкуна-великана, продолжая толкать створки врат.

Злой отвесил одному из них удар ногой в бок, от чего брезд скривился в болезненной гримасе. Ключица второго брезда приняла сокрушительный удар топора и громко треснула под напором лезвия.

Тут же между створками проскользнули еще несколько воинов из отряда Злого. Второй брезд захрипел, получив удар клювовидным топором прямо в лицо.

Злой обернулся и замер. За его спиной, на площадь в полной тишине выходила колонна войск. Закованные в броню, брезды мягко ступали на землю ногами, обмотанными тряпьем.

«Ловушка!» – промелькнуло в мозгу у Злого. Наступил один из тех моментов, какие имеют место быть в любой битве. Это мгновение, когда нужно принять решение, которое определит будущее: останешься ли в живых или умрешь.

Злой не боялся принимать подобные решения. Ему было немало лет, и много битв оставили след в его памяти. Но впервые он очутился в ситуации, когда его решение изменит ход всей битвы.

Холкун не знал это доподлинно, но каким-то неуловимым чутьем понял, что так оно и будет.

– На стены! – выдохнул он, и стремглав побежал к входу в привратную башню. Воины устремились за ними.

– Стоять! – заорал Бафогт, когда некоторые из его воинов хотели было уже броситься следом за врагом. – Это стража. Пусть сидят в темноте, мы же пойдем по свету! – Он хохотнул. – Ускорить шаг!

Однако Злой и не думал останавливаться и караулить ненужные теперь никому врата. Выскочив на вершину стены, он побежал по ней, и издали заметил, что вход в другую башню закрыт, а из бойниц торчат пики.

Холкун остановился и огляделся по сторонам. Где-то у мясного рынка шла битва. Над крышами возвышалось полотнище боора Глыбыра.

– Погодь! – снова остановил он того же ретивого воина.

Выглянув за внешний край стены, потом за внутренний, Злой наконец-то принял решение. Подхватив лежавший на стене труп, он швырнул его вниз. Труп пробил крышу пристенной постройки и хрястнулся о землю.

– Нет, – порешил Злой, подхватил другой труп и швырнул его в соседнюю постройку.

Пришлось еще четыре раза швырнуть трупы прежде, чем тело убитого зарылось в соломе, сбитой в плотные комки. Злой улыбнулся и тут же последовал за трупом.

Он рухнул на сеновал и пробил его почти насквозь. Слегка заболела нога, но воин поднялся на ноги и поманил свои товарищей за собой. Один за другим, они начали прыгать вслед за ним.

Злой выглянул на улицу. Она была пустынна. Слева, с той стороны, где находилась соседняя башня, был навален завал, за которым виднелись силуэты вражеских воинов.

– Чего же так, – застонал Злой, – чего же не посмотрели?! Коли завал, так ясно же, что ловушка!

Он оглядел улицу. Она делала небольшой поворот, благодаря тому, что у одного из строений образовалась большая куча навоза.

– Ломай стену, холы, – приказал Злой.

Чтобы не выходить на улицу, воины проломили стены двух близлежащих домов. Оказавшись за кучей навоза, они стали быстро перебираться на другую сторону.

– Слышишь ты, ретивый, – стукнул холкун-гигант по шлему воина-забияку. – Коли драться тебе приспичило, то ты так же, стороной, через стены, обойди тех, кто из-за завалов стоит, да напади. Делай быстро, чтобы успеть к тому моменту, как мне врата понадобятся. – Обернувшись к воинам, он сказал: – Поровну поделитесь. Кто битвы спешной хочет, к ретивому иди, кто тяжесть еще не всю испил – за мной!

Злой, кряхтя, вскарабкался на крышу и перелез на соседний дом:
– Давненько я... уф!.. так не ходил... С младости... как от голубушек по утречку шел... ха!..

Комт несся на своем груххе во весь опор. Благо, улица была прямая, а морозец держал глину твердой. Ему в лицо смотрели десятки пик, а он закрыл глаза и наслаждался этим своим полетом. Все замедлилось для него, – все замерло, вдруг!

Сквозь полуприкрытые веки он видел, как груххи врезаются в строй воинов Глыбыра; как лопаются красным острия пик, вонзаясь в тела груххов; как исчезают под ногами-гумбами животных те несчастные, которые стояли в первых рядах; как валятся на землю те всадники, которые напоролась на пики.

Тело боора трянуло – Бургон вклинился в строй вражеских солдат. Комт открыл глаза и улыбнулся. Руки и ноги наливались силой. Такой силы он не чувствовал в своем теле уже очень много лет.

Тяжелый топор взметнулся вверх и обрушился на первую попавшуюся голову, вмяв ее в плечи и расплющив.

– Гедагт, не оставляй спину! – закричал Глыбыр. Он стоял среди воинов и метал вперед подаваемые дротики и копья. Гедагт со скучающим видом восседал на груххе далеко позади отца, всматриваясь в пустынную улицу, по которой прошла армия Длинномеча.

– Груххи-и-и! – разнеслось по рядам.

– Наш черед, бреры! – закричал Глыбыр, обращаясь к всадникам на груххах. – За мной! – Понукая грухха, он поехал вперед.

Со стороны головного отряда послышался гулкий топот, раздался гром и десятки воинов из его армии взмыли в воздух, а после обрушились на своих же товарищей.

Отряд дрогнул и побежал. Однако бегство это не было паническим. Едва завидев своего боора, воины дружно прижались к стенам или проникли за двери домов.

Глыбыр повел свою кавалерию в бой. Он выбрал правильное время для удара. Всадники Комта разбрелись по улице, добивая тех немногих, кто сопротивлялся, и оказались не готовы к тому, что на них обрушится груххская лавина.

Несколько десятков врагов были мгновенно убиты, остальные обратились в бегство. Глыбыр не стал их преследовать, опасаясь далеко уходить от армии. Он уже догадался, что завел армию в ловушку, но было поздно. Лазутчики сообщили, что путь отрезан перевернутыми телегами, за которыми встали пикинеры. Оставалось одно – идти к вратам. О штурме думать не приходилось.

Судя по радостным лицам воинов, они еще не поняли отчаянности своего положения и думали, что идут к победе.

Вдруг, в арьергарде заревел тревожно рог. Гедагт дал знак, что его атаквали. Тут же послышался топот груххской кавалерии, которая снова пошла в атаку на воинов Глыбыра.

Пикинеры заняли свои позиции и приготвилились.

– Копьеметателей вперед выстави, – приказал Накогту Длинномеч. – Пусть собьют ход у груххов. – Он оглядел своих всадников. Их было не более ста воинов. У Комта подобных солдат было во много раз больше.

Гедагт увидел Бафогта, узнал его и зло ослабил.

– Эй ты, слуга Предателя! Не обознался ли я? – закричал сын Длинномеча врагу.

– Ты обознался. Я служу истинному боору Владии и Боорбогских гор. Ты же, жалкий вор, прячущийся по темным углам!

Гедагт заревел и бросился вперед. Удар его отряда, состоявшего сплошь из брездов, быстро смял и опрокинул холкуно-пасмасское воинство Бафогта, но остановилось перед отрядом из брездов. Последние походили на железную стену, возникшую посреди улицы.

Гедагт налетел на эту стену, ранил одного из брездов и повернул назад. Сняв с груди небольшой свисток, он два раза протяжно просвистел. Никто, кроме него и отца не понял этот сигнал.

Груххи из авангарда стали быстро переходить в арьергард. Очутившись рядом с Гедагтом, они тут же бросились в атаку, смяли и отбросили брездскую тяжелую пехоту за баррикаду.

Комт подозвал Грозора и что-то приказал ему. Комендант крепости кивнул.

– На крыше! – закричали сразу несколько глоток, и в тот же миг с крыш нескольких домов, прилегавших к улицам, по которому шло войско Глыбыра, ударили лучники.

Воины Длинномеча тут же полезли на крыши, и там завязалась схватка. В этот же момент Комт дал сигнал. Взревели трубы, и войска владыки Владии бросились на Глыбыра сразу со всех сторон.

– Там, где у него брезды, и от нас брезды должны быть! – закричал своим полководцам Длинномеч. Он отвел войска за завал из трупов, который образовался после первого столкновения.

Комт больше не мог использовать груххов, и отправил вперед себя пехоту. У него было больше брездов, а потому именно ими он старался продавить оборону Глыбыра.

Холкуны и реотвы Длинномеча снова дрогнули и побежали. Брезды Комта бросились за ними, но тут же напоролась на встречный удар груххской кавалерии. Это был последний раз, когда они обманулись ложным отступлением.

Между тем, завал из трупов спешно растаскивали, давая возможность пройти груххам. В этот момент до воинов, занятых этим делом, докатилась конница Глыбыра во главе с самим боором.

– Не останавливайтесь! – проревел боор своим солдатам.

Затоптав немногих несчастных, которые были у завала, Глыбыр перебрался через гору трупов, дав их ногами своего грухха, построил отряд и пошел вперед, набирая скорость.

Ему на встречу двинулись груххи Комта. Две силы встретились лоб в лоб. Стены окружающих домов сотряслись от удара громадных тел друг о друга, и от боевого клича брездов.

Глыбыр увернулся от удара молодого брездского воина, сполз со спины грухха, и снизу вверх ударил воина мечом. Лезвие прошло под юбку кольчуги, разорвало бедро, впилося в живот несчастного, а после ушло глубоко в его внутренности. Схватив меч двумя руками, Длинномеч с силой потянул вверх, валя умирающего противника навзничь.

Второй, кто набросился на боора, был отброшен ударом ноги. «Нынче так не умеют! А мы умели!» – хмыкнул про себя боор, подметив, что молодые воины Комта дерутся лишь тем, что у них в руках.

Всадники Глыбыра, прошедшие старую школу обучения, дрались не только оружием, но и кулаками, ногами, лбами и зубами, а потому каждый из них стоил троих врагов.

Грухх под Глыбыром застонал от боли и упал на колени. Брезд, несмотря на возраст, легко соскочил с него и отбежал назад. С болью он отметил, что из сотни всадников осталось в живых не более двадцати.

Комт тоже понес большие потери. Красными от злости глазами он оглядывал место битвы.

Их глаза встретились неожиданно. Они вперились и сверлили взглядом друг в друга до тех пор, пока один из них не дрогнул. Дрогнул Комт. Он отвел взгляд, когда разгадал, что губы Глыбыра прошептали: «Предатель!»

Комт слез с грухха и, где обходя, а где и перелезая через трупы, стал пробираться к Глыбыру.

Длинномеч стоял, тяжело дыша, и смотрел на приближающегося врага. Он сжал зубы и с ненавистью смотрел на бывшего своего лучшего полководца.

Внезапно, громадная стрела, просвистев над головой Комта, пронеслась в сторону Глыбыра и впиалась ему в руку. Подобно толстому канату, рука Глыбыра отлетела назад и безвольно закрутилась, ударившись о спину.

Длинномеч с изумлением посмотрел на свою руку, а после на Комта. «Ар-р!» – закричал он, и на глазах брезда выступили слезы обиды и боли.

– Отец! – закричали из-за спины Глыбыра и к боору стал пробираться громадный брезд.

– Неужели?! – не смог сдержать удивления Комт. – Гедагт, – и глаза боора потеплели. Он помнил Гедагта еще мальчишкой. Тот постоянно крутился подле казарм, выглядывая в щели, как воины рубились друг с другом учебными топорами и мечами. А теперь, вон он, какой стал. Комт сокрыл улыбку в усах. Ему вспомнилось, что он называл Гедагта «малявкой» за его небольшой рост.

– Я заменю тебя, – подбежал к Глыбыру Гедагт. Он посмотрел на Комта, и боор не нашел в его глазах ненависти. Гедагт осмотрел его, скорее, с любопытством, как давнего знакомца.

– Не должно тебе со мной драться. Не по мне ты, – сказал Комт.

– Отчего же, – возразил Гедагт. – У моего боора перебита правая рука. Он не может держать ни меч, ни топор. Закон гласит – когда такое с боором, то сын заменит ему руку.

Комт подумал и кивнул.

За то время, пока они стояли один против другого, за спинами обоих бооров собрались воины. Комт дал знак, и его солдаты пошли в атаку. Рубка возобновилась с новой силой.

Глыбыр побледнел, закрыл глаза и осел.

Гедагт на некоторое время растерялся. Он любил битву, но драться и руководить сражением – он понял это давно – не одно и то же. Через мгновение, впрочем, он обрел прежнее самообладание и отдался любимому делу.

Сын Длинномеча не понял, как очутился в окружении воинов Комта. Однако, когда его схватили за руки, сжав их как в железных тисках, в висках Гедагта что-то лопнуло и пролилось на кожу холодным липким потом.

Его толкнули вперед, и он упал на колени перед Комтом. Гедагт вскочил и зло заглянул в глаза боору. Тот бесстрастно смотрел на него. В глазах Предателя читались отрешенность и задумчивость.

– Ты хотел драться со мной, – сказал Комт. – Мы будем драться. Бой будет честным.

Глыбыр очнулся вдруг от ощущения тоски и черной тревоги. Над ним плыли сизые тучи. Грязные стены домов дрожали от рева войск и звона клинков.

– Гедагт! – вдруг возопил боор. – Сын! – И провалился в забытье.

– Ммм... – вырвалось у Гедагта, когда он принял на топорнице удар Комта. Старик был все еще очень силен.

Предатель сделал шаг вперед, целясь ногой в колено воина, но тот ловко отвернул ногу и отпрыгнул.

– Отец хорошо выучил тебя, – улыбнулся Комт, и снова напал.

Его топор витиеватыми движениями пошел сверху вниз, но затем, вдруг, изменил направление и ударил Гедагта сбоку. Удар был смертельным, но топор боора снова натолкнулся на топорнице Гедагта, которым тот закрыл руку.

Вдруг Гедагт резко подался назад, ухватил лезвием топора лезвие топора боора и дернул. Комт потерял равновесие и повалился на него. Лицо боора ударилось о кулак Гедагта. Из носа брызнула кровь. Но теперь уже Гедагт не заметил локоть боора, которым тот ударил его под ребра.

Оба брезда крикнули и отпрянули друг от друга.

Комт закрутился, размахивая топором, и обрушил его на голову Гедагта, но тот увернулся и попытался дотянуться до груди боора тупым концом топорика. Ни тот, ни другой удар не достиг цели.

– Отец, – подсказал на груххе Могт, – дозвожь мне вспороть ему живот.

– Нет, – покачал окровавленным лицом боор, – нет! – И бросился в очередную атаку. – Щенок... – вырвалось у него сдавленно.

Гедагт отпрянул назад, но затем вдруг сделал скачок вперед и схватил руки боора своими руками. Комт тут же ударил лбом Гедагту в лицо, но тот подставил лоб, сделал боору подножку и отбросил его назад. Комт упал в грязь, выругался и стал медленно подниматься. Его глаза наливались бешенством.

Гедагт отступил назад, но его тут же толкнули в спину и занесли топор.

– Нет, – сказал Комт, отирая кровь. Бешенство в его глазах потухло, – пусть идет. Он хорошо бился.

– Мой боор, – подскочил к Предателю холкун-вестовой, – холведы у Меч-врат.

– Как? – вскричал Комт. – Как они там оказались?.. Когда?

– Не знаю, боор, – задохнулся от страха гонец. – Они исчезли от тебя и объявились там.

– Перо Сина, – прошептал еле слышно Комт и потупил взор.

Злой не зря решил идти самым необычным, самым трудным путем. В первом доме, в который он проник, холкун без труда прорубил проем в стене, но лишь ступил в него, как провалился ногой в какую-то холодную жижу, не удержался и рухнул в эту жижу всем своим телом.

Понося домашних божков этого города, холкун поднялся на ноги и пригляделся. Оказалось, что он стоит по колению в ручье, которые течет откуда-то от башни в сторону стены. Он проходит под улицами города, сокрытый от чужих глаз каменными трубами.

Выбравшись из ручья, Злой... снова провалился в ручей. Орудия топором, он расчистил пространство перед собой, нашел берега ручья и выбрался из него окончательно.

Посмотрев путь, которым тек ручей, Злой убедился, что местные жители, зная о ручье, не строили на его пути серьезных препятствий. Самое большее, что было сделано – легкие заборы, которыми отделили одни владения от других. Эти заборчики разлетались в щепы при первом нажиме топора.

Вскоре ручей снова ушел под стену дома. Ее пришлось пробивать.

Когда Злой очутился в комнате, то разглядел в углу несколько пар испуганных глаз. На него смотрели мужчина, женщина и несколько детей.

– Прошу тебя, хол, не убивай нас, – дрожащим голосом попросил мужчина.

– Не до вас, – буркнул Злой. Он подошел к двери и приоткрыл ее. В комнату ввалился убитый пасмас. Злой втащил его внутрь и отшвырнул в угол. Женщина в углу тихо завывала.

Выглянув на улицу, холкун увидел, что двери дома выходят на ту часть улицы, которая разделяет армии Глыбыра и Комта.

– Сеамль, ты не мог пошутить в другое время, – проговорил холкун, недобрым словом поминая бога смеха.

Пришлось снова приняться за работу. Еще две стены были пробиты прежде, чем Злой очутился среди своих.

– Где боор? – спросил он воинов, удивленно взиравших на него. Лицо и одежда Злого были покрыты толстым слоем пыли и паутины. Он походил на мертвеца, только что покинувшего свой склеп.

– Боор ранен, а Гедагт схвачен Комтом. – В войске царило уныние.

– Кузнец жив?

– Живой. И Скоробой жив.

– Отведите меня к ним.

Едва Злой оказался подле Кузнеца, без вступлений он стал говорить о сути. Наконг тут же подозвал Скоробоя. Между ними завязался жаркий спор.

– Я не оставляю его ему. Нет, Кузнец, и не проси. Ежели и прикажешь, не оставляю. Убей меня, тогда только промолчу.

Кузнец сжал губы. Его желваки заходили ходуном.

– Собери лучших, – обратился он к Злому. – Лучших из лучших. Мы нападём ещё раз... в последний раз. – Кузнец скосил глаза на Скоробоя. Тот согласно кивнул. – И после этого мы уйдём. На все воля богов, воины. На все воля богов!..

Семья пасмасов, стиснутая в углу своей крохотной комнатухи, с изумлением наблюдала, как через их комнату стали проходить десятки воинов.

Тоненьким ручейком армия Глыбыра уходила из ловушки. Темнота, поглотившая долину, способствовала этому.

Скопив достаточно сил, воины Длинномеча единым ударом заняли баррикады у Меч-врат и открыли их нараспашку.

В тот самый момент, когда Комт узнал об этом, несколько сотен смельчаков, возглавляемых Кузнецом, Скоробоем и Злым появились из-за груды трупов и бросились на воинов Комта, связав их боем. Дрались отчаянно, без надежды на спасение. Они не знали, что Гедагт ехал на груххе другой дорогой и должен был покинуть замок через врата у Грозной крепости.

Первым пал Кузнец. Его проткнули сразу три пики. Враги подняли воина над головами, глубже насаживая на острия, и бросили его себе за спину.

Скоробой сражался, как и всегда, стремительно. Но и ему боги определили остаться навсегда на этой улице. Поскользнувшись на луже крови, он упал на спину. Брезд и сам не понял, что проткнуло его шею, но подняться он не смог. Два удара топором погрузили его в вечный мрак.

Злой с остатками храбрецов был оттеснен к стене и окружен.

– Снова ты, – расхохотался Комт, когда увидел своего старого знакомого. – Злой?

– Боор, – кивнул ему холкун.

– Иди прочь, – дал разрешение ему уходить Комт. К нему снова подскочил вестовой:

– Они вышли в Приполье, боор. Что велишь делать?

– Пусть идут. Пошли гонца к грирникам на Меч-гору, – проговорил Комт Бафогту, не оборачиваясь. – Известить их о провизии, которая сама спешит в их животы.

Бафогт захохотал и отдал приказ всаднику. С места пустившись в бешенный галоп, вестовой промчался по улицам, свернул в одном из переулков, через Меч-врата вылетел из города, сошел на тайную тропу, ведущую к Меч-горе, и, прильнув к шее коня, пустил его во весь опор.

Это, впрочем, не уберегло его от боевого топора, который ударился в грудь коня. Животное споткнулось и на всем скаку рухнуло наземь, размазывая хлипенького вестового своей могучей спиной.

От ближайшего дерева отделилось две фигуры. Они подступили к лежавшему коню.

– Слава богам, Птенец, ты не промахнулся. Теперь есть мясо, а потому не подохнем с голоду.

Птенец гордо посмотрел на своего нового знакомого – матерого вояку, правую руку которого прошлым днем перебил камень, брошенный со стены. Лишь они двое остались в живых от отряда, оставленного Злым, после схватки, которая произошла у Меч-ворот, через которые разбитая армия Глыбыра покидала город.

Комт поднял глаза ввысь и с улыбкой подумал о том, что и ему, простому смертному, даны силы изменить Великонеобратимое. Ему напророчили смерть от сына злейшего врага, но Гедагт уходит из города под охраной его воинов, и не опасен.

Что же до чудесного спасения жалких остатков холведов – пусть их, маятся своим поражением. Перо Сина прилетело ему, Комту, в глаз, но оно коснулось глаза слишком поздно для Глыбыра.

Боор повернулся и поехал в башню. У него сильно болела скула и нос, а правый глаз стал заплывать. В голове, в висках что-то тяжело ухало.

– Отпей, – проговорил Эвланд, протягивая боору чашу с настоем дурно пахнущих трав. – Ты снова победил, мой боор.

Комт с удивлением обнаружил себя сидящим в зале замковой башни. Как сюда попал, он не помнил. Напротив него, прямо со стены на боора взирало нечто бездонно величественное. Комт не мог оторвать взор от этой бездны.

Эвланд с тревогой заглянул ему в глаза и позвал по имени.

– Он пришел за мной, – прошептал боор. – Я не понял главное... все это... не главное... основное – это... – Глаза Комта широко распахнулись. Ему показалось, что на него дохнуло холодным ветром. В свете рочиропсов блеснули смотрящие на него глаза. Огромные зелено-желтые глаза хищника.

Комту хотелось закричать, но он не мог вымолвить ни слова.

– Ма... Ма... – тянул он еле слышно. Эвланд вливал ему в рот чашу живительной влаги, но она стекала по усам на грудь обессилевшего боора.

– Придержите его рот, – приказал Эвланд двум телохранителям. Они осторожно открыли рот своего владыки и ждали, когда Эвланд наполнит настоем вторую чашу.

Порыв ветра скользнул по стене и всколыхнул бороду одного из телохранителей.

Для Комта вдруг все замерло. Остановье, понял он, и похолодел от ужаса. Он понял, что это не магия Эвланда. От его магии пахло теплом. От этой магии веяло смертью.

«Ты слышишь меня?» – проявилась в его голове требовательная мысль. «Да», – невольно отвечал он. «Настало время ему потечь назад. Ты понял все, я знаю. Не противься воле, которой покорились сами боги. Прими его удар, как тот, о котором я писал тебе. Лишь чрез него ты снова войдешь в кущи Кугуна, и не проклянут тебя вовеки»

Большие зелено-желтые глаза на миг сокрыли от боора убранство залы, а когда исчезли, на Комта снизошла легкость, какую он не знал никогда. Он слышал музыку, кугунову песнь, которая звала его душу за собой, распыляя ее в вечном блаженстве по всей широте Вселенной.

– А-а-а! – невольно заорал телохранитель, когда через пару мгновений обратил свой взор на боора. Голова последнего была почти отрезана и кровь обильно хлестала во все стороны.

Беллер, заливаемый этой кровью, сидел, беспомощно таращась на рану и шептал нечто, одному ему известное, посиневшими от ужаса губами.

Караван из Фийоларга

– Закрывайте ставни-и-и! Ставни закрыва-а-йте!

В просторную комнату, помимо крика, залетал радостный весенний ветерок, не выхолаживавший тепло, но приносящий приятную свежесть. Он играл тонкими маеларгскими занавесями, которыми были занавешены окна; шуршал в углу кипой одеял и подушек, из которых торчали две маленькие ножки; заигрывал и перебирал веточками растений, высаженных в широком горшке-подоконнике.

Из другой комнаты донесся скрип полов и недовольный старческий голос.

– Чего разорался-то? Ранехонько, вроде... ранехонько!..

Женщина тяжело переступала с ноги на ногу. Раздались скрип и хлопки, с которыми соседи закрывали ставни.

– Ранехонько...

– Закрывайте ставни-и-и! Ставни закрыва-а-йте! Достопочтеная... низкий поклон. Ставеньки заприкройте. Вот так... Мое почтение.

– Мое почтение и вам. Закроем-закроем... Ранехонько, вроде бы. – Голос старухи стал глуше. Видимо, она высунулась в окно.

– Владыка Око сопрятал за стеною ларгскою. Сигнал то для меня. Значит, пора, достопочтеная.

– А нам видно еще Владыку-то, почтеный.

– Так хоромы у вас, достопочтеная Теллита, не хуже холларгских. Вы ставеньки на первом этаже прикройте, а на третьем – я уж прогляжу, стало быть. – Голос угодливо хихикнул.

– Спасибо тебе, достопочтеный Пулнис, так и поступлю...

– Теллита, чего сегодня на рынке слыхала-то? – ожила за окном улица голосом соседки.

– Ничего особенного не слыхала. – Это был всегдашний ответ, после которого начиналась оживленная болтовня. – Буррта, говорят, окосела...

– Это какая? – присоединился еще один женский голос.

– Холларговой жены родня по матери...

– Первой али второй жены?

– Даива – это какая?

– Вторая...

– Вот ее-то родня по матери.

– Даива – это первая, вторую зовут Мукера.

– Перепутала ты все...

– А чего окосела-то?

– Пала во время выезда. Колесо у тележки подломилося. Пала она. Головой о землю приложилася.

– Боги-боги-боги... теперь-то что?

– Говорю же, окосела!..

– Закрывайте ставеньки...

– Заглохни ты, Пулнис, оглушил уже. Не глухие мы. – Цыкнули на ночного сторожа. – Теллита, а теперь-то чего будет?

– Не знаю.

– На рынке чего говорят?

– Сходи да послушай.

– Не могу я, ноги совсем отяжелели после родов. Завтречка заходи, поглядишь. Еле вороचाю ими.

– Я тоже зайду...

– И мне, если можно, отвори...

– Заходите, гостями будете. Не откажу. Всем дверь отопру.

– Вспомнила! Вызвали мага какого-то прямо от долины брездской.

– И что?

– Что, что? Ждут!

– Ай! Съехали мы. Чего коня упустил? Как выбираться будем? – Куча одеял в углу комнаты вздыбилася, и из-под нее поднялось заспанное женское личико. Оно с удивлением осмотрелось вокруг, по-детски хлопая ресницами, подумало немного, скривило ротик, и с непередаваемым по тяжести стоном упало на подушки.

– Приснилось чего? – спросил холкун, сидевший за столом.

Он был молод, неплохо сложен, но уже отличался тем, что всегда наличествует у серьезного человека. Его красиво вышитую нательную рубаху топорщил книзу внушительный живот. Каум склонился над несколькими табличками, которые лежали перед ним на столе, и осторожно помечал что-то в них острой длинной костяной палочкой.

– Приснилось, – проговорили из-под одеял. – Мы с тобой выехали в Прибрежье. Там дом у нас, вроде бы. Великие воды я видела. Синие-пресиние! – Под одеялами разнежено потянулись и блаженно выдохнули. – Красота неописуемая. Я даже воздух чувствовала. Овевал меня, и пахло так вкусно. Всеми цветами, которые знаю. Но ты вдруг надумал возвращаться. Я ругаться с тобой принялась. Очи Владыки прямо над нами, а ты уж домой заторопился. Накричал на меня и поспешил в Фийоларг, но не доехали. Конь твой стороной пошел да дорогу потерял. Перевернулись мы... ой! – Девушка подскочила так, словно ее ткнули раскаленной иглой в приличествующее место. – А чего это мне такое приснилось?!

Холкун повел плечами, продолжая что-то писать. Затем его костяная палочка заскользила по другой табличке. После снова вернулась на первую, прошлась по ней точечно. Он вздохнул, откинулся на спинку стула и нахмурился. Одними губами он прошептал неопределенное «нет».

– Спроси у матушки, – бросил он в тишину у себя за спиной, продолжая вглядываться в таблички.

– Каум, сынок, ставни не запирай, – проговорили из другой комнаты. – Пулнис сказал, что не заметит.

– Хорошо, матушка. – Холкун отпил медовухи, отер небольшую в половину ладони длинной бороду, аккуратно расчесанную и уложенную, и снова склонился над табличками.

– Айлла! Айлла, где ты есть?

– Здесь я, матушка. – Девушка вылезла из-под одеял, поежилась и выпорхнула из комнаты. – Приснилось мне...

Дальше Каум не слушал. Цифры в его табличках никак не сходились. Второй сезон кряду торговля в его лавках неуклонно затихала. Подобные изменения были небольшими, но устойчивыми. Это его и тревожило больше всего.

Фийоларг, как и все холкунские города основным занятием держал производство черных кристаллов. Сами холкуны называли их треснями, потому что то, что получалось в конце производства, называть кристаллом язык не поворачивался. После целого года обработки в руке оказывался камень, изрубленный словно бы ударами тяжелого топора. Горели тресни плохо, а потому чтобы согреться покупать их нужно было в невероятных количествах.

Дом Каума располагался на т-образном перекрестке. На одном из многих перекрестков, которые разделяли собой кварталы городских гильдий.

Сам холкун вот уже много лет входил в торговую гильдию и по праву считался потомственным конублом. Его дед Повоз из рода Поров был потомственным конублом. Неплохим, как говорил про него отец, но с тяжелым характером. Более всего дед дружил не с холкунами, а с дремсами. Как и они, жил среди лесов, в местечке, о котором отец никогда не говорил. «Забыл я, как название его было», – бурчал он в ответ на вопросы Каума. – «Давно было то». Отец не рассказывал про то место, но Каум знал, что оно было дремучим, как и всякое место, где обитают дремсы. Из этого самого дремучего угла в доме до сих пор сохранились шкуры диких зверей и странное дремсское оружие.

Бабушка Каума всю жизнь прожила в Фийоларге. Тогда он, говорят, стоял много южнее нынешнего места и был маленьким городком. О ней Каум знал лишь со слов отца. Мать Каума не видела сверкровь, а отец говорил, что та заболела и рано померла. Как и дед. «Хвори тогда было много. Мерли часто», – вздыхал отец.

Отец Каума, Ран, приехал в Фийоларг почти тридцать лет назад. Ровно в тот год, когда великий боор Глыбыр Длинномеч пал в битве в Деснице Владыки. Кровавая была битва, поговаривали старики. Если бы не Комт Верный, как с тех пор его прозвали, не выстоять бы владянам против орд саараров и грирников. Лишь заручившись поддержкой оридонцев, владяне смогли победить орды дикарей, а та часть, которая выжила, была обласкана Комтом и прощена. За это прозвали в Холкунии своего нового боора Великодушным.

Путь самого Каума в торговую гильдию начался тогда, когда отец всучил ему мешок со всякой всячиной и пустил по улицам ее продавать. Даже и теперь Каум с содроганием вспоминал, через какие мучения ему довелось пройти, прежде, чем его язык стал достаточно мягким, чтобы договориться с любым холкуном и пасмасом.

Едва двенадцатая зима сошла с Приполя – полей перед городом, как молодой холкун совершил свой первый выезд в Заполье – так холкуны называли все земли за пригородом своего ларга. Безбрежный простор – до этого Каум ни разу не покидал город – пленил его, очаровал и раздражил. Первая поездка закончилась полным провалом. Он набрел на пасмасский кабак и спустил игрой в кости все деньги, какие должен был потратить на наем пасмасов.

Выволочка от отца и дядьев, братьев матери, навсегда запомнилась не только его мозгу, но и другим частям тела. Этот случай был единственным необдуманном поступком за прошедшую жизнь. Возможно, тот единственный день был его однодневной юностью, когда он позволил себе быть беспечным.

В первые зимы после прихода к власти Комта жилось очень тяжело. Многие холларги не поддержали его. Началась гражданская война. Комт призывал их одуматься, а после вместе с оридонцами, пошел войной на города обеих Холкуний.

Голод косил в тот год население Владии. Каум, бывший старшим сыном, остался без младшего брата. Тот умер от голода, хотя семья отдавала ему те жалкие крохи, какие Ран приносил домой. Мать Каума, Теллита, горько оплакивала его смерть, сидя над маленьким, поси-невшим от холода тельцем. «Мой! Только мой! Единственный...» – плакала она. – «Один был и того Владыка прибрал...» Ран стоял подле нее, опустив голову и глубоко задумавшись.

Никто из четверых братьев так до конца и не понял ее слов.

Отец хватался за любую работу. От этого и погорел, хотя семья едва сводила концы с концами. Он умер, когда Кауму не подошла еще и пятнадцатая зима, оставив на своем старшем сыне жену, его мать, и троих младших братьев.

Период между смертью отца и возвращением из первого длинного путешествия по Трапезному таркту, когда дела их семьи наконец-то поправились, Каум помнил плохо. В его памяти это время запечатлелось бесконечной чередой серых однообразных дней, когда на душе было плохо, на сердце тяжело, а в желудке пусто; когда мир казался жестоким и мизерно маленьким, все вокруг бесцветным и мутным; когда везде и всюду пахло потом и страданиями олюдей.

С тех пор Трапезный тракт, по которому холкунские торговцы – конублы – доставляли в свои ларги пищу из других городов, стала для Каума единственным торговым путем. Он не брался больше ни за одно другое начинание, а полностью сосредоточился лишь на поставках продовольствия. Юноша изучил Трапезный тракт вдоль и поперек, знал все шайки, промышлявшие на нем, не раз общался с воинами охранных отрядов, мало отличавшихся от разбойных шаек. И платил, платил, платил.

Платить приходилось за все: за пользование трактом и тропой (одна дорога называлась двойственно, но за каждое название причитался налог – холкуны так и называли его «налог на название»), за остановки в подорожных трактирах, за хранение груза, за выпас быков и коней, за проход, проезд, прополз в обе стороны, за благосклонность и «закрывание глаз», за недовольство и «открывание глаз», – за все! Путь был долог и опасен, но какое-то время Каум мирился с этим. Тракт давал пропитание ему и его семье.

Однажды он объединил капиталы со своим лучшим другом Лормом. Они попытались счастья на тракте и едва не разорились. Взаимные обиды были преодолены путем мордобоя. После этого пришло осознание отсутствия вины каждого и наличия глупости обоих.

Второй торговый поход по тракту стал приносить постоянно повышающуюся прибыль. В их компанию вступили еще несколько друзей и знакомых. Наученные горьким опытом, оба:

и Каум, и Лорм обусловили их вступление неучастием в торговых предприятиях, на что все без исключения с удовольствием согласились.

То было время, когда день через день в ворота города въезжала траурная зелено-синяя повозка, везя домой очередного убиенного торговца. Разбойники лютовали. Был неурожай.

Подкопив денег – дебов – друзья открыли лавку в торговых рядах.

Каум всегда подмечал волю богов, даже если эта воля выражалась в делах или на телах других холкунов. Он не только последовал примеру других конублов и нанял охрану, но и сам пришел к холларгским палатам и попросился на обучение традиционному холкунскому бою.

Всю зиму он упорно занимался боем на пиках, метанием копья, а также обучался управлять традиционной холкунской палицей и небольшим топором. За это время он сильно похудел, но занятий не бросал.

С приходом весны его голову посетила примечательная идея. Впервые за двадцать пять лет своей жизни он поехал не по Трапезному тракту, а по Дубильному. Никто и не подозревал, что причиной такой резкой смены курса стали слова иногороднего торговца, оброненные им в присутствии Каума.

В трактире, что у Птичьего рынка, до слуха холкуна донесся жалобный говор. Невдалеке от него, в углу сидели два конубла. По замечательным выражениям их лиц наметанный глаз Каума сразу распознал перед собой должника и кредитора. Иногородний торговец жаловался, что по Дубильному тракту торговля встала. Что стада поизвели на еду и что торговать нынче нечем, а потому и отдавать долги тоже нечем. Фийоларгский торговец слушал его с тем оттенком понимания, который наблюдается на лицах олюдей, видящих перед собой вконец оголодавшего соседа, при полном осознании того обстоятельства, что и у них самих дома осталось немного хлеба. Он отирал голову и понимающе кивал.

– Никогда ведь на землях наших голода не было, – сокрушался иногородний. – За что же боги наслали на нас такое! – Он понурил голову и мотал ей в немом горе.

Дубильный тракт оказался для Каума весьма прибыльным. Ехал он по нему не из-за товаров. Он искал торговых стражников, оставшихся не у дел. Положение его торговой гильдии было не столь бедственным – холкуны всегда были хорошими едоками. Но Трапезный тракт стал привлекать множество сторонних едоков, искавших возможности полакомиться за чужой счет.

Холкун потратил почти все свои сбережения на наем торгового войска. Его возвращение в родной город было тягостным от дурных мыслей: правильно ли он поступил; не обманут ли его «бесхитростные» воины; не вернут ли их назад разъезды саараров, которые верой и правдой служили теперь, то ли Комту Верному, то ли оридонцам. Борода Каума, которая наконец-то отросла на ширину ладони, покрылась сединой. Пот ни с того, ни с сего прошибал его, при первой мысли, что деньги, которые он копил столько зим, могут быть снова утеряны. И опять ему припоминалось бедственное положение, в котором он начинал свое дело.

Формирование первого большого каравана заняло довольно много времени, но по весне его выступление из города сопровождалось всеобщими гуляньями. Никогда еще целая гильдия не выступала из города в полном составе. Караван охраняли более тысячи воинов. Более нельзя было и подумать о том, чтобы напасть на торговцев.

Тот год, прошлый год, принес Кауму баснословную прибыль. Он и сам не ожидал, сколь много денег может принести воинское сопровождение торговых караванов.

Лорм согласился взять на себя заботу о торговых делах общества и неплохо справлялся с ними, но боги вторглись в их совместное предприятие и снова осложнили его.

Лорм погиб в межродовой стычке. Он был зарезан своим двоюродным братом, с отцом которого что-то поделил его отец. Обид, обвинений и нападок было столько, что правда была погребена навеки под их наносами.

Потеря лучшего друга, с которым они прошли плечом к плечу через многое, тяжело далась Кауму. Лишь благодаря общему делу он не позволил себе сникнуть или впасть в уныние. Дела шли и требовали непременно к себе внимания.

Холкун взял себе в друзья другого торговца, но дело не заладилось. Эту раздраженность он и преодолевал, сидя за столом у окна третьего этажа в старинном купеческом доме, доставшимся ему так неожиданно.

Дом был большой, трехэтажный. Он стоил тех денег, которые Каум выручил от продажи своей доли в лавках. На первом этаже и в подвале, в маленьких клетушках ютились шесть семей пасмасов и холкунов, которые приехали из Заполя или других ларгов. Они снимали жилье, платя неплохие деньги.

Став рантье, Каум задумался над сменой профессии. Сдача клетушек в аренду приносила хорошую прибыль, и он вознамерился прикупить еще один дом, стоящий на другом конце той же улицы. Жаль, что денег на покупку не хватало. Почти половины.

Все настойчивее ему в сознание стучалась мысль, что все теперешние дела не стоят его внимания. Слишком опасно стало на трактах. Саарары грозят войной Холкунии, а Комт Верный поддерживает саараров. Нет, слишком опасно!

Деньги, которые у него были, Каум вложил в два предприятия своих друзей, но они приносили все меньше и меньше прибыли. «Страшимся мы дальше идти», – говаривали ему друзья.

Везде и всюду торговое дело умирало. Везде и всюду царило уныние. Конублы разорялись один за другим. И каждый из них, видя отчаяние на лице друга, которого городская стража препровождала в долговую тюрьму, – каждый знал, что, может быть, завтра он станет следующим.

Каум не впадал в отчаяние. Клетушки на первом этаже и в подвале не дадут ему умереть с голоду, но в прошедший год он женился и Айлла, его жена, уже поглядывала на него выразительно, поглаживая свой живот. Где растить детей, когда в доме и без них проживают почти сорок человек?

Внизу на лестнице раздались торопливые шаги. Так мог бежать только Ир – следующий по возрасту брат Каума. Ему было двадцать семь лет, и Кауму нужно было думать о том, что и Иру пора жениться.

Голова шла кругом от всего этого.

– Карларг восстал, братец, – влетел Ир в комнату и остановился, тяжело дыша. Его удивило, что Каум не повел и бровью. – Слышишь ли?

– Да, я слышу. Что из того?

– Восстал... Карларг.

– Если это все, иди.

Ир растерянно огляделся, словно находился в каком-то ином мире.

– Тебя это не интересует?

– Меня это интересовало позавчера. Сегодня уже нет.

– Почему?

– Прикажи матушке накрывать на стол, братец. Поедим, а после поговорим, коли у тебя к этому большой интерес.

Двухколесная колесница, богато украшенная резьбой, остановилась подле здания высотой в четыре этажа, составленного из разноцветных каменных монолитов и украшенного деревянной, костяной и иного рода изразцовой живописью.

Облицовка блестела на солнце так ярко, что слепила глаза. Это было новшество холкунских городов. Их последняя мода. Украшение домов каменно-древесно-костянной облицовкой было дорогим удовольствием, однако Аснар Коневод мог себе это позволить.

Один из трех самых богатых конублов Фийоларга позволял себе не только это. Лишь у него во всем городе имелся собственный сад и небольшое озерцо в нем. Таких роскошеств не было даже у холларга, но это никого не удивляло. И без того всем было известно, кто на самом деле правит городом.

Между тем, Аснар вовсе не походил на конубла, образ которого на Синих равнинах прочно ассоциировался с непомерно разжиревшим холкуном, готовым всякого обхитрить и объегорить. Наоборот, это был высокий по-военному сложенный холкун, руки которого были привычны и к палице, и к топору, и к мечу. Природа не полностью отвернулась от него – небольшое пузико свисало-таки вниз, но оно совершенно не портило общее благоприятное впечатление от его внешнего вида.

Окладистая густая борода, отпущенная по-холкунски, лишь на ладонь шириной, уже успела засеребриться, но глаза, висевшие прямо над ней смотрели живо, умно и по-юношески.

Каум слез с колесницы: в меру украшенной, в меру усиленной броней – в меру дорогой (за нее попросили такую арендную плату, что Каум едва не расплакался, но место, куда он намеревался направиться, требовало понесения высоких затрат). Он подошел к воротам, претворявшим собой вход сразу на высокое крыльцо, поклонился дому, поклонился родовому божку Аснара и только после этого проследовал внутрь.

В больших палатах стояло умеренное жужжание, какое всегда слышится, когда во внушительных размеров комнатах собирается несколько десятков человек. Даже степенное говорение и перешептывание превращаются в таких случаях в довольно громкий гомон.

– Мир дому твоему, Аснар. Благополучия животу этого дома. – Холкун поклонился хозяину, а после и хозяйке. Ему ответили вежливыми поклонами.

– Приветствуем тебя, Каум из рода Поров. Без брата ли? Почему? – обратился к нему Аснар. Его приветливое лицо, оставалось, тем не менее, жестким.

– Без него. Оставил его. Дела, – улыбнулся Каум, про себя подумав, что, если бы и для Ира брать колесницу, то их семье нужно было бы голодать оставшийся месяц.

– Сам пришел, и за то благодарим.

На этом приличия были соблюдены, и Каум прошел внутрь палат

Посмотреть в них было на что. Помещения утопали в мехах, коврах и золоте. Драгоценные камни обильно покрывали почти каждую вещь, стоявшую на многочисленных сундучках, ларцах, полках и столах. Все это ослепительное великолепие было выставлено напоказ с одной целью – поражать и похвастать.

Каум усмехнулся. Раньше он бы развесил уши и открыл рот от удивления. Да, то были великие времена. Хотя и тяжелые – вспоминать страшно, но интересные. Теперь он безразлично скользнул взором по богатому убранству палат и повернулся к столу, уставлявшемуся разнообразными яствами.

Поесть он был не прочь. С утра не ел. Вернее, с ночи. Холкун осмотрел себя. Сегодня он ступил первый шаг в сторону снижения убытков: он высек, что было сил, и выгнал мальчишку-пасмаса, осмелевшего до того, что начал воровать с его складов. Сейчас ушлый молодец валяется где-нибудь в канаве за городом и оплакивает свою судьбу.

Каум вздохнул. Отчего-то так всегда получается: простолюдин получал хорошую работу, едва на коленях перед ним не ползал, благодарил, а как время проходило, то ему прежняя жизнь казалась уже не своей – словно не было ее, а нынешняя казалась сносной, но тоже не сладкой. Начиналось подворовывание, а после и откровенное воровство. Приходилось такого олюдя отправлять в обратный путь. И почему-то только тогда – именно в тот момент – он понимал, что потерял, и снова, как и задолго до этого, ползал перед конублом на коленях,

умолял и плакал. Иные, пылая праведным гневом, грозили ему даже карами от богов. Ха-ха! Когда бы они знали, когда бы они видели про себя то, что видел он со стороны, то понимали бы, что не он сек их, их секли боги. Боги, даровавшие праведникам достойное место и разочарованно смотревшие, как они опускаются до уровня воров. Кара! За что его карать, когда он есть карающая длань! Никогда боги не будут карать сами себя! Хе-хе!

– Каум, благополучия тебе, – сказали над ухом и, уфнув, тут же плюхнулись рядом. – Не передумал ли?

Холкун обернулся.

– Нет, Илло, не передумал. – Каум с нежностью посмотрел на пасмаса, присевшего рядом с ним. Он любил Илло, любил всей душой за то, что среди стольких утех, пороков, соблазнов, какие всякий новый день рождались внутри города, Илло не дал себе утонуть, погрузиться в эту мерзопакостную жижу, словно болото утягивавшую каждого слабого душой и умом.

Илло не знал, что единственным олюдем, которого Каум почитал выше себя, был он, Илло. Когда бы пасмас узнал такое, он, наверное, расхохотался бы от души, ибо он почитал холкуна за своего наставника.

– Отвернулся в угол, глаза слепят сокровища его? – как всегда разулыбался Илло. – Я тоже шурысь хожу, чтобы не ослепнуть. Когда бы мне столько света, а бы только и делал, что писал.

– А ведь верно сказал, – рассмеялся холкун. – Писать стихи или чего еще при таком богатстве – только оно и хорошо!

С Илло они встретились много лет назад, когда были еще мальчишками. Его отец Кивс тоже был конублом. В те времена конубл-пасмас был диковинкой, порою, таких даже побивали, но отец Илло цепко держался за городскую жизнь. Он помог Кауму вытянуть себя и семью из долговой ямы. Мало кто знал, но Каум распродал товары Кивса. «От меня плохо берут». – сказал ему однажды Кивс, – «от тебя лучше».

Илло не был сыном при своем отце. Наравне с ним он делил и беды, и радости, и до сих пор похвалялся шрамом на животе: так он защитил своего отца от ножа разбойника, которым тот хотел ударить в спину Кивсу.

Жизнь сделала Илло справедливым и молчаливым, – таким, каким бывает всякий, кто изведал все ее «прелести». От природы Илло был скромнен. За все это Каум любил его как брата.

В один из дней в конце весны Илло пришел к Кауму и предложил ему следовать за ним. Они прошли в таверну «Дохлый гусь», где собирались отбросы даже среди бедноты Фийюларга. Там, к его удивлению, Каума встретили лишь конублы, который заняли все помещение и выгнали из него даже самого хозяина.

Разговор был коротким. Говорили о том, что из-за разбойников на Трапезном и на иных трактах торговля встала, а потому скоро все они окажутся в долговых тюрьмах.

– Лишь ты делал такое... лишь ты ходил большим караваном. Того же хотим от тебя. Такой караван должно тебе сделать, чтобы и сам Желтый Бык побоялся напасть...

Каум не знал, о чем он думал в ту пору, когда согласился вновь пойти с караваном. После он много раз пожалел о согласии, но отступить было поздно.

– Я слышал, ты новое дело затеял. Решил дойти до Холведской гряды со своим караваном. Правда ли то? – рядом с Каумом остановился Гек. Конубл был уже навеселе.

– Правда, а ты, чего ж, ко мне хочешь?

– Подумываю. А возьмешь ли?

– Возьму.

Гек, ничего не ответив, отошел.

У Каума никогда и в мыслях не было уходить караваном так далеко, однако он тут же насторожился. Иной раз массовое сознание, а особенно мышление подбрасывало ему неплохие

идеи. Если удастся ему половину пути пройти, как задумано, то, почему бы не пройти и до Холведской гряды – весь путь. Города и там старадают.

– А ты как думаешь, Илло? – спросил он. – Дойдем до Холведа?

– Хорошее предприятие, думаю. У них там, знаю, много товара такого, какого в равнинах не сыщешь.

– Какого, например?

– Железо хорошее у них. Без примесей, говорят. Каменьев много на облицовку. В Эсдоларге, слышал я.

– Когда ж тебе железо-то позволят привозить? Саарары за этим строго наблюдают. Боор никому не позволяет в Равнины такое привозить.

– А коли у меня возможность есть глаза у них закрыть, – приблизился к нему Илло. – Задумка есть одна. Послушаешь али как?

– Послушаю. – Они удалились в дальний угол и стали о чем-то шептаться.

– Почтенные конублы, – заговорил младший брат хозяина торжества, юноша лет шестнадцати, – зовем вас к столу. Отведайте то, чем боги одарили сей дом!

Произошло шевеление и все торговцы сместились к столам. Размещались шумно, с шутками тыча друг другу локтями в бок; рассаживались друг подле друга, компаньон подле компаньона. Опытный глаз по одному этому шевелению легко различал, какие торговые партии сложились в городе, и каков их вес и отношения друг с другом.

Торговых гильдий в Фийоларге было множество, но партий лишь три. Вернее сказать, партий было четыре, но четвертая – холларгская – постоянно зависела от одной из трех главных. Собственно, за контроль над холларгской партией и шла война между другими тремя партиями. Возглавляли их хол-конублы: Аснар Коневод, Линул Вдовец и Мириул Безбородый.

У Каума глаз был наметан. Он заметил, что два других владельца Фийоларга сели рядом.

– Быстросчет, слышь? Линул и Мириул рядышком уселись, – наклонился к его уху сосед-брезд. Каума прозвали среди конублов Быстросчетом и часто обращались к нему за помощью на торге.

– Вижу.

– Не к добру.

– Знаю.

Где-то еще зашептали: «Неужели снова рядом пойдут против Беспалого?»

Каум посмотрел на Илло, и оба они криво усмехнулись. Говорили в свое время Кугуду Беспалому о том, что время не то и не надо в холларги метить. Не послушал. Просидел две зимы. Теперь наступил срок уйти.

Зная его характер, Быстросчет мог бы без тени сомнения сказать, как будет проходить смена власти в городе. Будет кровь. Редко, конечно, бывает без нее, но в случае с Беспалым, старым и, в общем-то, добродушным воякой кровь будет большой. Лучше на это время покинуть Фийоларг, чтобы не оказаться втянутым в противостояние. «Ага», – подумалось ему, – «вот боги и подсказали, когда лучше уйти!»

– Сдружился этот, – Илло показал руку с двумя загнутыми – безымянным и мизинцем – пальцами, – с этим вот. – Он указал глазами в сторону Аснара.

– Откуда знаешь? – не смог скрыть удивления Каум. – Ежели так, то...

– Знаю. Слова эти из сарая...

Холкун поджал губы и задумался. «Из сарая» означало от банд, которые промышляли в городе убийствами, грабежом и продажей детей и женщин для любовных утех. Прибыль деятельность «из сарая» приносила большую, поэтому многие из торговцев вкладывались в «сарай». Свою историю «сарай» вел от неизвестного холкуна-воришки. Жил он в сарае у скотного двора одного из жителей города. После поражения боора Глыбыра, он стал промышлять воровством оружия и денег у брездских и оридонских воинов, которые наводнили Владию, да

делал это так умело, что холкун-хозяин и понятия не имел, что у него на дворе живет еще кто-то помимо него.

Каум не имел дел с «сараем», но вложил немалые деньги в некоторые стороны этого предприятия. Мало кто знал, что бандиты городов были одними из самых информированных олюдей. То, что знали они, порой не знал никто. Быстросчет рано понял, что если доберется до этих знаний, будет в том толк. И он добрался. Поэтому-то Каум так удивился, когда Илло сообщил ему сведения, о которых холкуну не могли не сообщить.

– Коли так, из Фийоларга лучше съехать скорее, – продолжал Илло. – Иначе, головы не сносить, ибо мы с тобой оба ни при ком не состоим.

– Верно, – прошептал холкун, продолжая быстро соображать. – Малы мы еще, но... съехать не повредит.

Скоро будет праздник в честь прародителя всех холкунов, великого Хола, сообщил Илло. На него и может быть назначено смещение Кугуда Беспалого. Десять дней. Ему оставалось не более десяти дней, чтобы устроить дела, добрать недостающее количество товаров и уйти.

– Пойдешь со мной к гряде? – просил он Гека, который оказался рядом. Тот широко улыбнулся:

– Хотел просить тебя о том. Дебов внесу, сколько скажешь.

– Будешь мне помощником.

– Честь для меня сделал, Каум. Вот уж уважил! – Гек приосанился и огляделся. Ему видимо хотелось, чтобы все слышали приглашение. Но шум стоял такой, что никто ничего не слышал дальше шага от себя.

Илло спросил Каума глазами, ты чего это, но тот успокоил его. Гек приходился племянником Мириулу Безбородому, мало что умел, но был заносчив и капризен. Поучаствовать в большом предприятии было для него всего лишь развлечением.

– Зачем? – спросил Илло, когда Гек отошел.

– Аснар глядит на меня. Уж много раз его глаза на себе находил. Не к добру.

– Чего ж думаешь?..

– Не знаю, но не к добру это, Илло.

Холкун уткнулся себе в тарелку, чтобы не встретиться ни с одним взглядом, который позвал бы его в сторонку для разговора. Нужно было продержаться один этот вечер, чтобы не быть втащенным в общегородскую резню или интригу. После таких явлений еще несколько зим продолжается месть родов за убиение своих сородичей, и часто в канавах на улицах находят обезображенные трупы конублов.

Слава богам, у него всего три брата. Всех их он заберет с собой. Мать и жену придется оставить, но, ежели и их забирать, то это будет походиться на бегство.

Готовность собрать большой караван принесла Кауму неожиданную славу. Многие мелкие торговцы возлагали на него огромные надежды. Сам о том не подозревая, Каум оказался вытолкнут в политику, и за его дружбу началась борьба. Он слишком поздно понял это.

– Слышал я, беспокойно там нынче, – вернул его к действительности Илло. Каум повернулся к нему и проговорил:

– Где?

– На гряде Холведской.

– А где спокойно ныне? Эта зима принесла нечто, от чего равнины и леса содрогнулись. Не знаем мы, что, но по тому, как оридонцы шастают по равнинам из конца в конец, знаю я, что что-то произошло, а?

Пасмас кивнул одними глазами. Он изменился в лице и побледнел.

– Аснар глядит на меня и тебя. Не к добру.

– Каумпор, мне передали, что ты наметил очень прибыльное предприятие? Почему же молчишь о том, никому не говоришь? – Аснар вытянул ноги, откинувшись на спинку большого богато инкрустированного камнями и золотом лежака. Он обратился к Кауму, как к равному, сложив имя его и род вместе – Каумпор.

Сложив сильные руки у себя на животе, Коневод лениво смотрел на холкуна. Они находились в небольшой комнате, служившей, по всей видимости, кабинетом конубла. Великое множество табличек, счетовых камешков и гирек лежало на столе, внушительных размеров, занимавшем почти половину комнаты.

– Опасное дело замыслил я, достопочтеный хол-конубл. Потому и не говорил про него здесь. Буду сам рисковать, а после уж... если пройдет все хорошо, тогда обскажу о нем обстоятельно. Пока же... пока же, если говорить образно, товар не готов к продаже. Когда такое, сам знаешь, нечем торговать, да и незачем.

– Нас обмануть боишься? – подсказал конубл.

– Лицо не потерять пред вами. Коли сам себя обману – переживу, по-иному не могу.

– Отчего тогда в свое предприятие других собрал?

«Как я мог подумать, что он уже не знает всего. Промах. Надо честнее казаться. Не то не отплюешься вовек от косых взглядов», – подумал холкун, а вслух сказал: – Всех я честно предупредил, что опасное дело затеял. Что потерять многое можно. – Он подумал. – Потому и пригласил друзей своих с немногим товаром. Его потерять – не все потерять.

– Потерять думаешь?

– Держу в уме такую мысль, достопочтеный. Сейчас на Трапезном тракте беспокойно. Не то, что одному, двум или даже пятерым не пройти без притеснений. Я же собрал более десятка караванов. Каждый в отдельности – мелочь. Все разом – сила!

Аснар внимательно следил за выражением лица холкуна. Его взгляд словно бы пронизывал само существо Быстросчета. Наконец он произнес:

– Умно ты делаешь, Каум. Сам додумался, али подсказали?

– Подсказали.

– И ты услышал?

– Да.

– Уметь слушать – половина успеха. То дар божественный, а? – спросил Аснар, и, получив кивок от Каума, ухмыльнулся. Он поднял кубок с оридонским вином и поднес к губам, остановил и отставил в сторону. – Я давно присматривался к тебе...

«Началось», – невольно выдохнул холкун, – «перетаскивать будет. Ничего, послушаем...»

– ... достоин ты своего отца. Больше даже скажу, где-то преодолел ты его пороки. Мы все его знали. Честен он был, хотя торговец никудышный. Но про то... ладно. Жизнь тогда поменялась сильно. Не от добра ушел он в конублы, а конублом только на глазах легко быть. Едва им станешь, открывается много такого, о чем и не помыслил бы до этого. Зачем я тебе это говорю? И сам не хуже меня знаешь. – Он снова пристально посмотрел на Каума. – Это у тебя брат недавно женился?

– Нет, достопочтеный Аснар. Мои братья, если Владыке будет угодно, женятся после моего предприятия.

– Я верю в твое предприятие, Каум. Сильно верю. И в тебя верю. А потому войти хочу в предприятие своими средствами.

«Лучше бы перетягивать начал», – разочарованно подумал холкун. Он не ожидал, что разговор будет не о холларге. Хуже этого могло быть только вхождение крупного торговца в его дело. Худшее и случилось.

– Приветствую тебя в наших рядах, достопочтенный, – как можно искреннее улыбнулся холкун. – Будь уверен, не подведем тебя.

– Мне нужны твои заверения. Лично твои.

«Что бы это могло значить? Лично мои? Звучит неоднозначно. Лично, не люблю это слово. Это обязательство. И перед кем? Перед Аснаром. Как бы не попасть с этим, лично, в жернова, где перетрут меня и не заметят!»

– Даю тебе мои личные заверения. Сделаем... сделаю все, что в моих силах, чтобы...

– Обещай мне, что вернешь деньги, которые отдам тебе.

«С другого конца зашел, а все же достиг своего. Дурак! Как же не понял, что к этому подведет. Дурак я! Хотя, как можно было бы отказать?! Хитер!!!» – А вслух сказал с наисладчайшей улыбкой: – Обещаю тебе. Верну и с прибылью, достопочтенный.

Живое жесткое лицо Аснара расплылось в широчайшей улыбке.

– Прибыль можешь оставить себе. Я не настаиваю на ней. Коли предприятие удастся, тогда я стану тебе другом в этом деле... «Уже и другом?!» – ... и ты поведешь свои дела куда успешнее, чем прежде. «Мне и прежде было не плохо одному их вести».

Аснар поднялся. Тут же поднялся и молодой конубл.

– Совершим же сделку? – улыбнулся Аснар. – Кстати, я не спросил тебя о важном. Сколько ты намерен получить с одного деба?

«Ты не спросил, потому что тебя это не волновало. О другом говорили мы» – Не менее пяти дебов поверх одного, достопочтенный.

– О-о, это хорошо. Ежели случится все так, как ты загадал, пять дебов поверх одного – справедливая награда за смелость. – Аснар подошел к нему и протянул ему конец своего пояса. Каум заткнул его себе за пояс, а конец своего кушака передал старому конублу. Тот проделал то же самое.

– Сколько тебе не хватает? – спросил Аснар.

– Тысячи, – соврал Каум. Ему не хватало шести тысяч дебов, но он намеревался их найти за оставшееся время. Тысячу же он назвал, чтобы не быть слишком обязанным Аснару.

– Совсем немного, – приподнял левую бровь тот. – Чтобы наверняка получилось, я дам тебе двадцать тысяч, а за это попрошу вернуть двадцать одну. Просто так, в знак уважения. Все, что выше будет, оставь себе или отдай своим конублам.

– Благодарю, хол-конубл. Я принимаю твой дар мне.

– Ха-ха! Это не дар. Не воспринимай его так. Это взнос... за который нужно будет платить. Прощай... – С этими словами старый конубл отцепил свой пояс от талии Каума и, развернувшись, вышел вон.

Холкун закрыл глаза. Он слышал, как в комнату уже спешат слуги, чтобы выпроводить его. Он знал, что они через миг войдут к нему, но не мог удержаться и не закрыть глаза.

Воистину, думалось ему, Аснар занимает положенное ему место в их городе. По сравнению с ним, Каум еще ребенок. Такого провала он не ожидал. Ему было понятно, как бы не завершилось его предприятие, он уже привязан к партии Аснара и, что еще хуже, в случае успеха его задумки, не он станет получать основную прибыль, а Аснар. Он же будет всего лишь смотрящим за караванами. Будет рисковать своей жизнью, а ежели погибнет, его место займет другой. И проторенная им денежная дорожка будет работать. Всегда будет работать. С ним или без него.

– Просим тебя, достопочтенный, – вошли слуги и указали ему на дверь.

Колесница медленно ехала по улицам города. Холкуны и пасмасы, саарары и брезды с некоторым удивлением поглядывали на нее. Колесница была создана для полета. Ее хищные

формы, поджарый вид, – все это было создано, чтобы стремительно мчаться, разрезая заслон из воздуха. Конублы любили быструю езду более не из-за самой любви к скорости, а потому, что это привлекало внимание к их персоне. Они гордились своим положением на колеснице, своим возвышением и грациозной позой, полетом над грязной жижей улиц они доказывали презренным пешеходам тысячелетний закон: рожденный ползать в грязи, не взлетит как птица.

Каум не любил быстрой езды. Возможно, Каум был одним из той небольшой плеяды торговцев, для которых важным было их дело. Они искренне любили его. Что же до денег? Да, это весомая часть, приятное дополнение к удовольствию от работы, но не главное.

То, что проделал сейчас с ним Аснар, не просто обескуражило молодого конубла, оно взбесило его, вывело из себя так, как, наверное, не выводило ничто и никогда. Он ехал побледневший, плохо понимая, куда правит. Более полагаясь на своего коня, чем на свою память.

Аснар отнял у него дело. Знал он это или нет, но старый торговец ударил в самое больное место. Много снегов назад холкун зарекся зависеть от кого-либо; зарекся отдавать в руки кого бы то ни было вожжи от своей жизни. Сейчас он понимал, что он не отдал вожжи, их у него забрали. Сделали это бесцеремонно и беззастенчиво. Как само собой разумеющееся.

Каум сжал губы. Он вспомнил приторно-вежливое лицо Аснара, его рот, сжимающийся в маленькую точку, когда он улыбался, и глаза, властные, хищные глаза, смотрящие так, словно весь мир принадлежит им.

Холкун вдруг остро осознал, что примкнул к сомну тех, кого уже пожрала эта троица: Аснар, Линул и Мириул. Три рода, великих торговых рода. Извечных. Неискоренимых. Три проклятых рода!

Быстросчет неожиданно заметил, что ему не хватает воздуха – он не дышал, пока с возмущением думал о том, что с ним сотворено. Он закашлялся и глубоко вдохнул, краем глаза заметив заинтересованный взгляд девушки, которая шла параллельно его ходу. Она обернулась и из-за плеча призывно посмотрела на него.

Молодой торговец начал понукать коня. Колесница легко ускорила.

Ему пришлось еще долгое время кружить по городу, чтобы, в конце концов, признаться себе в том, что он не согласен с предложением Аснара. Он не отдаст ему свое дело.

Разум восстал, едва подобная мысль проникла в сознание. Кто он по сравнению с Аснаром? Он никто. Нет, даже ничто. Его сотрут в пыль, и Аснар об этом даже не узнает. Стоит ему повести бровью...

У холкуна начала болеть голова. Он остановил колесницу и сошел с нее. Ноги мелко дрожали.

«Надо взять себя в руки. Нужно пока не думать об этом. Слишком много эмоций. Слишком много сил уйдет не туда. Нужно подумать позже. Время еще есть. Позже...»

– Слышал, Карларг восстал? – подкатился к нему Толстый Проти, пасмас, владевший харчевней, куда всегда ходил Каум.

Молодой конубл удивленно огляделся. Он и сам не ожидал найти себя на пороге «Златого колоса».

– Слышал, – рассеяно сказал он. Какое ему дело до Карларга?! Пусть там хоть на головах годят. У него своих проблем несчесть.

– Цур Оридонец двинулся туда с отрядом. Так говорят. Еще талдычат о том, что после Карларга поднимется Радоларг и Давларг. Великие боги! С ума там все посходили!

– Голод, – ответили ему из окна харчевни.

– Голод? Сиди уж, пьянь! Голод, слышал ли, Каум? А когда его не было? Мне кажется, он был всегда...

– Не говори отсебятины, Проти, – прервали его из глубины харчевни, – все эти ларги стоят на Трапезном тракте. Неурожай там, но оридонцы требуют поставлять в другие города ровно столько, сколько и в прошлую зиму. От голода восстали они. Не удивлюсь...

– Закройте оба ваши поганные пасти, – пресек разговор грубый баритон. Хорошо поставленный голос говорил о своей принадлежности воину, привыкшему командовать. – Проти, отойди прочь от дверей, обрюзгая твоя шкура. Нечего лицу смущать болтовней. Кто там? Быстрочет, ты? Заходи скорей, чего топчешься?! Проти, закрой дверь.

С непривычки глаза Каума тяжело привыкали к полутьме. Черные кристаллы, тресня, чадили в уголках харчевни. Хрустя и лопаясь, они разбрасывали снопы искр вокруг себя. Пахло едой и кислым запахом вина.

– Сарбры? – спросил Проти у растерянного Быстрочета.

– Тащи оридонского. На кой нам твоя сарбра. Это пошло не лучше пасмасского туски. Нечего брать столько, чтобы поить нас дерьмом! – Зычный голос принадлежал Варогону, будущему начальнику караванной стражи, которого нанял молодой холкун.

Невероятно, но они договорились встретиться в «Златом колесе» сегодня, конубл об этом забыл по причине разговора с Аснаром и вот, неведомая сила привела его сюда именно тогда, когда сознание было раздавлено и висело враскорячку по обеим сторонам головы.

Варогон был брездом. Скорее всего, это было его прозвище или ненастоящее имя. Каум знал, что имена брездов оканчиваются на «ыр» или «гт». Как бы то ни было, но Варогон был именно тем, в ком холкун больше всего нуждался. Это был старый воин, сослуживцы которого стояли пикетами вдоль всего Трапезного пути. Кроме того, внешний вид доказывал, что как воин он один стоит многих. Любимая всеми брездами секира висела за его поясом, а два других страшных предмета – короткий меч и палица – крепились за обмотками на голених. Его рост делал это оружие миниатюрным.

– Чего уставился, садись! – грохнул ладонью по столу воин.

Каум машинально сел.

– Вот скажи мне, – тут же насел на него брезд, – сколько будет, если я выпил вот столько кружек, – он указал на зарубки на краю стола, их было семь, – если считать по цене... ну, как это... если вычесть?..

– Сложить.

– И я говорю, сложить. Сколько будет?

– Семь на черный деб – семь черных дебов.

– Хорошо. А ежели я отдал деб синий.

– Откуда эт у тебя синий? – спросили с соседнего стола.

– Не влезай, – громыхнул по столу Варогон, – не твое дело. Сколько? – посмотрел он на холкуна.

– Тридцать минус семь – двадцать три будет...

– Обдурил, – заорал брезд. – Издери черви твою печеньку, обдурил! – Он вскочил на ноги и вытащил палицу. Подошедший Проти побледнел.

– Ничего я... – пролепетал он. – Ты не платил еще, Варогон. – Он почти расплакался.

– Обдурил. Меня обдурил! – Бесновался брезд.

– Я не... мог... ты еще не платил...

– Не ты! Тот проклятый трактирщик. Там на Кожедубном тракте!

– О чем он говорит? – Стали переглядываться присутствующие. – Про Дубильный тракт речет. Попутал с Кожедубным... Так нет же Кожедубного, и не было никогда. Поперепутал, говорю же...

От брездского ора голова у Каума разболелась так, что слезы выступили на глазах. Он зажал голову между рук, посидел так некоторое время и неожиданно подскочил.

– Сядь! – заорал он не своим голосом. – Сядь, я сказал!

Варогон замер с открытым ртом. В харчевне повисла тягостная тишина.

– Мы будем говорить сейчас. Свои долги раздашь потом! Сядь! – приказал холкун. Брезд с неудовольствием повиновался.

Караван, какого еще ни разу не видел Фийоларг, выходил за его стены. У ворот собралась внушительная толпа провожающих и просто зевак. Они с восторгом смотрели на бесконечную цепь груххов и коней, вытянувшихся вдоль улиц.

Каум все это время сидел у себя дома на верхнем этаже и смотрел на таблички, разложенные на столе. Их предстояло еще раз пересмотреть, а после передать матери с наказом получше их припрятать.

По таблицам выходило, что в путь выходят почти пять тысяч олюдей. Из них более четырех тысяч стражников. Эта внушительная сила была теперь под его командованием. Быстро-счет еще раз оглядел пространство перед собой.

Двадцать тысяч дебов, одолженные ему Аснаром, Каум не пустил на развитие предприятия. Он выкупил товар у конублов, которые собирались идти вместе с ним; выкупил дешевле, чем они могли бы продать, а на сэкономленные деньги нанял еще тысячу воинов охраны.

– Карту, – приказал он и брат, стоявший неподалеку, тут же подал ему пергамент.

Развернув его, Каум увидел перед собой земли Владии с обозначением городов, равнин, лесов, замком, рек и горных цепей. Великие воды были окрашены синим так искусно, что и впрямь походили на воду. В них плавали диковинные рыбы с острыми, похожими на кривые ножи зубами. Холкун невольно загляделся на карту.

Из задумчивости его вывел протяжный зевок Бора – третьего сына Теллиты, его брата. Это был худощавый нескладно скроенный холкун, глядевший на него широко открытыми глазами. Каум уже прозвал его про себя вечным помощником. Не было в нем хитринки – не быть ему впереди каравана. Честность не доведет караван ни до чего хорошего.

– Убрать, братец? – обратился к нему Сате – младший брат, укладывавший таблички в богато украшенный ларь.

– Убирай, – разрешил Каум. Он сосредоточился на карте и пометил на ней город Карларг, как место, нежелательное для приближения.

Конубл внимательно рассматривал нити-тракты, помеченные на карте. Его брови, то незаметно съезжались к переносице, то, вдруг, вспархивали и взлетали на середину лба, то распрямлялись и покойно опускались на прежнее место.

Он пометил место, где нужно будет свернуть, чтобы избежать случая оказаться на пути у наступавших на Карларг войск. С другой стороны, обходить Карларг с юга было нельзя, там были прибрежные земли саараров, кои те получили после воцарения во Владии Комта. Комт был так добр к саарарам, что даже после их восстания, на которое их подбил какой-то умалишенный брезд, имени которого не называли, не наказал саараров и не отнял у них земли в Прибрежье.

– Карту? – в очередной раз вывел его из задумчивости Сате.

– Нет, оставь. Буду держать при себе. Бор, тебе отдаю карту, как старшему после меня. Никому кроме меня не отдавай ее.

– Понял, братец, – Бор принял сверток пергамента как реликвию, как нечто настолько ценное, от прикосновения к чему трясутся руки.

Вот так всегда, заметил это Каум, глупость порождает пиетет. Однако не было бережливее холкуна в городе, чем Бор.

Между тем, тот аккуратно завернул карту в тряпицу и положил себе в заплечный мешок.

– Пора, сынки, – размашистым шагом вошла в комнату Теллита. Мать с гордостью и слезами на глазах оглядела сыновей, шмыгнула носом. – Обряд начнем внизу.

Обряд провожания в дорогу был длинным и красочным. Все действие Каум провел в размышлениях. Только сейчас он действительно осознал, как его мысль, его задумка привела в движение громадные силы. Они будут очень долго вытекать из города вместе с караваном.

Во дворе холкуны вскочили на коней и по узкому выезду между домами вереницей вышли на городскую улицу. Их провожали все соседи. Им кричали восхваления, пожелания счастливого пути, их благословляли, за них молились, из-за них плакали.

Холкуны ощутили вдруг необычайную теплоту своей прежней привычной жизни. Ее устроенность. Ее уют.

Все знали их. Они знали всех. Здесь, на этой улице, в этом городе их любили, им готовы были помочь. Они были своими.

Тепло, которым их одарили соседи, друзья и близкие сопровождало их до самых ворот, но там оно было вмиг сдуто холодным восточным ветром, врывавшимся в открытые створы и дышавшим в лица выходящим хладом опасной суровой действительностью.

Ир ждал их у ворот. Распрощавшись с матерью, он умчался в голову каравана.

Каум, Бор и Сате переглянулись между собой, надели шлемы, оправили легкие доспехи, проверили топоры, палицы и мечи в ножнах, и, понукая коней, выехали за городскую стену в хвосте каравана.

Синие Равнины. Желтый Бык

– Впереди все чисто, – подскакал к ним Ир. Он тоже был закован в холкунскую броню с надвинутой на лицо железной маской, изображавшей разинутую пасть зверя. Брат Каума тяжело дышал. Чувствовалось, что он устал. С раннего утра он пребывал в седле, его одежда покрылась толстым слоем пыли. Однако он был доволен. Порученное братом дело было сделано. Караван вышел на Трапезный тракт и пошел по нему.

– Призовите мне Варогона, – обратился Каум к братьям. Самый младший, Сате, тут же поскакал вдоль каравана искать брезда. – Бор, подай карту. Ир, приблизься. Смотри. Вот сюда мы можем идти, не опасаясь, но отсюда начинаются владения Желтого Быка. Пусть караван займет всю тропу. Надо стянуться так, чтобы мои воины легко добрались от главы до его хвоста. Дам тебе десятка два воинов и не давай никому из встречных ехать в лоб. Пусть сворачивают. А здесь, видишь, свернем.

Ир кивал в такт словам брата и не отводил взгляда от его указательного пальца.

Послышался топот и к Кауму подлетел Варогон на боевом груххе.

– Ты призывал меня, хол? – прогремел он.

– Да, приблизься, – и холкун обсказал и показал ему на карте то же самое, что и Иру.

Старый вояка согласно хмыкал.

Первые четыре дня пути прошли без происшествий. Часть каравана свернула и скрылась за городскими воротами городов Маларга и Палларга. Но оттуда навстречу каравану вышли несколько купцов. Произошел краткий, но ожесточенный торг и караван принял в себя товары этих двух городов. Подобного Каум не просчитывал, но неожиданность была приятной и прибыльной.

Солнце пятого дня уже начало припекать, когда десятки рук потянулись вправо, указывая на что-то далеко в поле. Это старые торговцы обучали своих сыновей, племянников, младших братьев, а иной раз и внуков распознавать знаки.

Далеко от дороги прямо во чистом поле стоял невысокий шест с белым бычьим черепом, притороченным сверху. Рога быка были натерты до блеска. Сильный ветер, носившийся по равнине, слегка покачивал череп и, казалось, что он то согласно кивает путникам, то отрицательно качает головой.

Каум отцепил от пояса рожок и длинно задудел в него. Из головы колонны ему ответил точно такой же рожок. Караван несколько замедлил шаг и стал толстеть, занимая полностью весь тракт. Послышался топот копыт и тяжелая поступь груххских лап – отряд воинов выдвинулся вперед.

– Что случилось, Каум? – подъехал встревоженный Илло.

– Ничего не случилось.

– Там переполох.

– Этот переполох для того, чтобы ничего не случилось. – Холкун отвернулся от товарища и обратился к Сате: – Скачи к Варогону, скажи ему, пусть проверяет каждую рощицу, каждый куст задолго до подхода каравана. Знаю, Желтый Бык любит наблюдать оттуда.

Солнце еще не перевалило зенит, когда волнение прошло по телу каравана. «Смотри, смотри!», неслось со всех сторон. «Не уловят! Быстрый, чума его пробери!»

По полю мчался одинокий всадник. За ним несколько караванных стражей.

– Каум, останови их. Он ведет их в ловушку. Останови сейчас же! – закричал холкуну кто-то из каравана.

– Варогон, останови их, – тут же приказал он. Взревела труба, и преследователи отстали.

– Каум, – подъехал Илло, – пора тебе становиться в голову. – По его встревоженному виду конубл понял, что произошло нечто необычное. – Погляди сам, – понял его немой вопросительный взгляд пасмас.

Грухх холкуна побежал в голову каравана.

Каум обомлел, когда из-за спин солдат, столпившихся впереди, разглядел армию разбойников, которая медленно выезжала, словно бы из-под земли и перекрывала дорогу колонне. Их было не менее трех тысяч. Впереди восседал сам Желтый Бык в шлеме-бычьей-черепе на голове. Он, сгорбившись, лениво, сидел на большом груххе, поигрывая палицей, и смотрел на Каума (так, во всяком случае, последнему казалось).

Сердце екнуло в груди у холкуна. Ранее он ввязывался в небольшие предприятия, а потому и спрос с него был малый, теперь же он, сам того не подозревая, ввязался не просто в торговлю, но в политику. Трагизм его положения состоял в том, что он был торговцем, но не политиком. И все, кто был с ним, также были торговцами – мелкими торговцами – но не политиками.

– Что будем делать, братец? – с дрожью в голосе спросил Ир. Он быстро облилиз пересохшие губы.

– Посмотрим, – давя в себе страх, проговорил Каум. Во рту мигом пересохло. Захотелось пить так, словно за всю жизнь свою он не выпил ни капли влаги. Руки и ноги начали холодеть и неметь. – Посмотрим, – еле слышно выдавил он уже себе под нос, для себя.

– Множество их, – подъехал к нему Варогон.

Быстросчет взглянул на него и невольно поразился. Опасность преобразила внешность брезда. Перед ним сидел не вальяжно солдафонистый вояка, но собранный в единую тугую мышцу полководец.

– Делать чего думаешь?

– Откуплюсь, – глухо прохрипел Каум. Его начинало трясти и, если бы не доспехи, все заметили бы это.

– Много их, – брезд хмуро посмотрел на холкуна и... улыбнулся. Улыбка была дружеская и успокаивающая. На Быстросчета она произвела примерно такое же впечатление, как если бы ему улыбнулся Зверобог из Чернолесья. – Много их, но и у нас не пруттики в руках. За твоих доходяг я не поручусь, а за моих воинов будь спокоен.

– Сколько вас? – с надеждой спросил Каум.

– Восемь сотен.

Дрожь снова стала подступать к горлу холкуна.

– Поедем, – проговорил Варогон и хлопнул грухха холкуна по крупу.

Они выехали вперед и, проехав шагов сто, остановились. Им навстречу выдвинулись двое от разбойников, среди которых был Желтый Бык.

– Я помню свой первый бой, – неожиданно заговорил брезд, следя за тем, как всадники медленно движутся к ним. – Я помню, как холод поселился внутри меня. Голова стала тяжелой. – Холкун почувствовал, как и его голова начала тяжелеть. – Тогда смотрел я не вперед, а внутрь себя и видел только ужас. Руки мои ослабли, а пальцы едва не выпустили палицу. То был мой первый страх.

У Каума дико заболела голова. Каждый шаг приближающихся воинов отдавался болью в его животе.

– Я помню свою первую схватку, где я направлял воинов, – продолжал брезд. – Тогда наше число было равно числу врага. Мне вспомнился мой первый бой. Я вспомнил его потому, что моя голова также начала тяжелеть, а руки не чувствовали оружия. Удивлен я был, ибо это был второй точно такой же страх. Он был страшнее первого, хотя боялся я одного и того же, схватки. Боялся схватки, хотя уже много раз бывал в битвах. Но тогда, второй раз, я боялся схватки не оружием, а с хитростью врага, ибо я тогда был уже не воином, но головой моего отряда. Спиной чувствовал, как десятки глаз смотрели на меня. Они были готовы делать, как скажу я. Они готовы были погибнуть, если я ошибусь. Второй раз я боялся не битвы, я боялся ошибки. Своей глупости боялся... это самое страшное тогда для меня стало.

– А-а, Каум из рода Поров, – подъехали всадники. Говорил тот, что с черепом быка на шлеме. – Давно ж я тебя не видывал на этой тропе! Чего же ты проходил мимо?

Каум был удивлен. Он много слышал о Быке, но никогда с ним не встречался, а потому приветствие разбойника, обратившегося к нему, как к старому знакомому, добавило страха: Желтый Бык – сам Желтый Бык! – знает Быстросчета и ждал – ждал! – его.

– Дела вели меня в другие ларги, достопочтеный Бык, – помедлив, начал говорить холкун, – но вот я... кхм... пред тобой.

– У тебя, никак, горло запершило? – насмешливо осведомился Желтый Бык. Он приподнялся на груххе. – Вот, коли хочется тебе, отпей. Смотри, недавно приобрел, – и он протянул Быстросчету отрубленную голову холкунского конубла. С нее начала уже оползать кожа, а глаза вывалились и висели на уровне верхней губы. – Как посмотрю, боги благоволят тебе, – прорычал Бык, довольный подавленным видом торговца. – Таких караванов никогда не приходилось мне встречать. А? – Он покосился на своего спутника. Тот кивнул и гыгыкнул. – Куда идешь?

– К Холведской гряде. Пройду весь тракт от начала и до конца. Сулит это хорошую прибыль. Готов делить ее. Не жаден... кхм... знаешь ведь...

– Не жаден, знаю, – разулыбался Бык. Нижняя часть его лица, видимая холкуну, расплылась в оскале, обнажив прогнившие редкие зубы. – Сколько отдашь?

– Триста синих дебов сейчас. На обратном пути полторы тысячи.

– И-и-и, – поморщился Бык. – Меньше одного деба за тюк? Не так я думал про тебя.

– Когда сложить, то оно...

– Я не умею считать, – перебил его разбойник. – Сколько у тебя здесь тюков? Я думаю, не меньше... – Он задумался. – Пяти тысяч.

– Нет! – вскричал холкун, и его изумление было почти естественным, ибо тюков было восемь тысяч, но разговор о деньгах оказал на торговую душу Каума быстровосстанавливающий эффект. В голове тут же просветлело. Отойдя от запугивания в сферу цифр и торга Бык, сам того не зная, стал играть на поле Каума. – Не будет и трех тысяч!

– А я возьму за пять, – склонился к нему Бык. – По два деба за каждый, – добавил он без тени улыбки и дружелюбия.

– Отдашь сейчас, – вмешался его товарищ, беря своей громадной пятерней холкуна за руку.

Неожиданно поверх его пятерни легла еще большая пятерня Варогона. Она сжала руку разбойника так, что она захрустела. Незаметным движением разбойник снял с пояса кривой нож и попытался ударить брезда, но клинок ножа звякнул о железное древко палицы, которую Варогон выставил перед собой. Все это он проделал бесстрастно. Разбойник осклабил, стараясь изобразить уважение к противнику, но в глазах его промелькнул страх. Он разжал руку и притянул ее к себе.

– Не смогу по два деба, Бык, – проговорил примирительно Каум, на которого немая сцена произвела удручающее впечатление. – Нет у меня столько.

– А сколько есть?

– Полторы тысячи на весь путь.

– Ну вот, а ты говорил, что только пятьсот...

– Триста говорил. Триста это...

– Пять тысяч на два, это сколько будет? Каум, ты же умный? Как там его называют? – Желтый Бык обернулся к примолкшему собрату.

– Быстро... как-то там, – фыркнул тот.

– Посчитай. Сколько будет?

– Десять тысяч, – сказал окончательно раздавленный холкун. Впервые в жизни ему предлагались условия, на которые он не мог пойти, и Каум не понимал, почему Бык, опытный разбойник, хочет взять столько, что подобные караваны больше не пойдут по Трапезному тракту. – Бык, ты же знаешь, что не смогу я отдать тебе это, – наконец, решился он противоречить, но это было не от храбрости, а от отчаяния. – Ежели заберешь, то более никто не решится с таким караваном идти. Тебе убыток и нам...

– Отдашь, – улыбнулся тот.

– Слишком много это. Я ра... разорюсь, – в голосе холкуна уже прозвучала мольба.

– Отдашь. – Бык сделал вид, что задумался и что его взгляд просветлел. – Давай договоримся так. Сколько, ты сказал, у тебя есть?

– Полторы... полторы тысячи. – Дрожь стала проходить. Каум вдруг на что-то понадеялся.

– Полторы тысячи. А нужно, сколько еще, для меня?

– Восемь тысяч пятьсот.

Бык обернулся. Сидящий за ним разбойник, с виду конубл, кивнул.

– Во-о... много! Я тут подумал и додумался. Ты мне это все можешь тюками отдать. Сколько это тюков?

– Не знаю. – Мир рухнул перед глазами холкуна. Ему показалось, что земля перевернулась и заняла место небосвода.

– Что? Чего ты молчишь?

– Нужно посмотреть, чего в каждом положено... Подсчитать трудно будет. – Мир кружился перед глазами конубла. Ему хотелось закрыть глаза, выдохнуть и исчезнуть.

– Правильно он говорит, – неожиданно вмешался Варогон. – Это справедливо.

– Гы-гы! Вот видишь, торгаш, даже твой страж говорит, что я справедлив. – Бык одобритительно посмотрел на брезда.

– Отдай им тюки, – Варогон так похлопал холкуна по спине, что у того скелет чуть не просыпался в седалище.

– Я согласен, – выдавил из себя Каум. Перед его взором стояло лицо Аснара. Это лицо, он знал, будет последним лицом, которое он увидит в своей жизни, едва прибудет в Фийоларг. Предприятие провалилось. «Куда бежать?!» – недоумевал где-то в глубине себя холкун. – «Он везде сыщет! Куда бежать?!»

Они вернулись к каравану. Торговцы по лицу Каума поняли, что произошло нечто непоправимое. Уже через минуту в караване разгорелась ссора. Спросили о том, чье и сколько ссу-

жать разбойникам. Эта склока грозила перерасти в поножовщину, но Быстрочет остановил крик. Он пребывал будто бы во сне. Происходящее представлялось гулким, неясным и простым.

– Я отдам свое, – проговорил он. Перед глазами его расходились разноцветные круги – Все отдам свое. Немного только добавьте. Я свое...

– Братец, – бросился к нему Ир, – братец, в себе ли ты! Что говоришь? Как же можно?!

– Правильно говорит он. Сам задумал, пусть первым и отвечает. Но я своего не добавлю, – донеслось из толпы торговцев.

– Братец, очнись же ты! Что делаешь с нами, братец?! – тряс Каума за плечи Ир, а у того в сознании билась только одна жилка-мысль: все пропало, предприятие загублено только начавшись. Как же хорошо оно началось! Как же хорошо...

– Из моего берите, – неожиданно долетел до слуха Быстрочета голос Илло. – Сколько там? Сорок? Берите сорок. – Он подошел к холкуну. – Каум! Каум, – позвал он, нахмурился и отошел.

Вселенная сузилась для Каума до размеров вытянутой руки. Вовне неслись какие-то шумы, дул ветер, сияло солнце. Ничего из этого не пробивалось в его мирок. Он был погружен в него словно утопленник в болото.

Вдруг его мирок и тело сотрясли удары.

– Молодец! Ух и молоде-е-е-ц! Ха-ха! Как же надо было... придумал!

Со всех сторон его трясли, хлопали по плечам, а он стоял и не понимал, что происходит.

В этот момент громадная тень закрыла от него солнце. Холкун поднял глаза и увидел черный силуэт. Он заморгал и только тут разглядел забрызганного кровью Варогона. Сокрытое шлемом лицо его улыбалось.

– Подарочек тебе за усердие о нас, – проговорил он охрипшим от усталости голосом и бросил что-то под ноги торговца.

Тот посмотрел вниз и в ужасе отпрянул. На него смотрело лицо Желтого Быка. Глаза его были закатаны вверх, рот искажился вбок в предсмертной судороге, за зубами застыло кровавое желе внутренностей.

Мир со всей силой своих звуков, красок и запахов вмиг обрушился на Каума и вмял его в землю. Он вздрогнул и ошарашенно огляделся вокруг.

Его окружили десятки холкунов и пасмасов с широчайшими улыбками на лицах. Они смотрели на него с обожанием и шептали, что он молодец.

– Братец, братец! – Ир подошел и обнял его. Он тоже был запачкан кровью.

Быстрочет ощущал себя только что проснувшимся.

– Что? Что произошло? – спросил он.

– Все, как задумал ты, – похлопал его в грудь Илло. – А я уж распрощался с товаром. – Он от души расхохотался. – Надо же... быстро как все сделано...

Кауму подвели грухха. Он взобрался на него и обомлел.

Справа на поле лежали вповалку сотни убитых разбойников. Далее, у дороги, еще несколько сотен. Слуги торговцев ходили по полю, опасливо отпихивая трупы в сторону, вынимали из-под них тюки и сносили их обратно к каравану.

– Мы должны идти, – побелевшими губами прошептал Быстрочет. Он не мог оторвать взгляда от кровавого месива. Впервые в жизни он видел подобное. Голова снова закружилась. Тело пробил холодный липкий пот.

– Он говорит, мы должны идти. Не ждать отставших! – разнеслось по колонне.

Караван двинулся в путь, и шел, не останавливаясь, до самого вечера.

Когда Владыка обратил долу свое хладное око, холкун подошел к Варогону, сидевшему на тюке и, при свете тресни, точившему топор.

– Спасибо... – проговорил Каум тихо.

Варогон посмотрел на него из-под бровей.

– Сколько? – спросил он.

– Десять тысяч. Только тебе.

Брезд довольно кивнул.

– На всю дорогу. Не смогу каждый раз... – добавил Каум.

Варогон расхохотался: – Идет! Не более всего от твоего предприятия, я выиграю...

Холкун присел рядом. Голова была все еще тяжела.

– Как ты их? – спросил он.

– Тюки спустили и сложили в стороне. – Варогон попробовал острие топора и смачно схаркнул слюну себе под ноги. – Как часть на них пошла, я караван по тракту пустил, а сам впереди помчался и всеми силами на оставшихся у тракта навалился. Избил. Те, которые в поле были, делили добычу свою, – Варогон хохотнул, – на караван пошли, а только он за нами хвостом шел. Нам тракт помог быстрее идти. Их поле сдерживало, потому и не успели они нигде. Перебил и их. Вот и вся премудрость. – Брезд умолк, с интересом следя за реакцией Каума. Через некоторое время добавил: – Вы, конублы, нас за тупых зверей почитаете, а только и в ратном деле есть своя премудрость. – Он приподнял топор, внимательно осмотрел его и пробормотал: – Не головы у них, а камень. Весь топор иступил.

Быстрочет вздохнул.

– Может быть, вернуться тебе? – спросил неожиданно Варогон.

– Куда?

– В Фийоларг.

– Нет... не... а почему ты так говоришь?

– Когда у тебя глазенки к макушке прилипают от вида порубленного мяса, тогда и я скажу, что ты не готов к пути. Поэтому вертайся в ларг. Оставь за себя Ира. Он хваткий. Порубил двух али трех пасмасов из войска Быка. Глаза на месте у него. Голова светлая. В такие дали с темной головой идти – верная смерть.

Холкун почувствовал, что краснеет. Даже слезы обиды выступили на его глазах.

– Это от неожиданности все... обычно... – попытался оправдаться он.

– То ли еще будет! – вздохнул Варогон. – Порой ум нужен, а не только моя смекалка. Хитер я, но не умен. Про то знаю. Ум у тебя есть. Видно. Только трус ты...

– Нет... не говори... как ты смеешь!.. – Холкун вяло защищался и ойкнул, когда огромная рука Варогона схватила его за шиворот, встряхнула и притянула к лицу воина.

– Не знаю, что вы там торгаши делите, – зашипел он. – Но я нанялся к тебе защищать от разбойников, а они ноне армиями ходят. Непривычно так ходят. Не ходят так разбоем, понял, – затряс брезд торговца. – Не услышал ты главного. Ждали нас здесь. Знали про нас. Не понял? Давно ли знаешь Желтого Быка? Во-о-о, не знаешь! А он тебя хорошо знает. Откуда это? – Он отпустил Каума. Холкун отшатнулся, упал на спину, поднялся и, закрыв рот рукой, чтобы не закричать, пошел прочь. Шел, куда глаза глядят.

– Кто идет? – остановил его часовой.

– Я, – пискнул он. – Каум...

– Зачем туда-то, хол. Опасно там.

– Оставь... оставь... – Быстрочета шатало. Он шел прочь от каравана, зажимая обеими руками рот, готовый изрыгнуть дикий крик. Пройдя с сотню шагов, он упал на колени, зажал голову между руками и повалился лбом в землю. – Боги, Владыка, уберегите... – шептал он как заведенный. Только теперь он окончательно осознал, что вместо того, чтобы с караваном уйти от политических игр трех торговых гильдий: Аснара, Линула и Мириула, он, приняв в караван капиталы Аснара, включил себя в передовые ряды его сторонников и завел сам себя в самую гущу схватки.

– Я не хочу вам врать или что-то скрывать от вас, конублы. То, что скажу вам, будет наше и только наше. Никому не говорите о моих словах.

Целый день пути, проведенный в покачивании на спине грухха; жаркое прибрежное солнце, нещадно пекшее с небес; пустынная дорога, по которой мерно двигались животные и олюди, – все это позволило Кауму основательно поразмыслить над тем, что произошло вчера и что, как он понял, намечается в ближайшем будущем.

Его раздумья все чаще и чаще сводились к игре, которую очень любят холкунские мальчишки. Она называется неровность и камешки. Смысл ее заключается в том, чтобы при помощи специально сделанных округлых камешков первым обогнуть по кругу площадку, сплошь усыпанную препятствиями и неровностями. Камешки катали ногтем среднего пальца так, чтобы они использовали неровности в свою пользу. Нужно было сбить с пути соперников, – лучше всего оттолкнуть их в глубокий угол – не дать сбиться с пути самому, и прогнать шарик несколько кругов. Всякий последующий круг шарик увеличивался в размерах, и его было сложнее сбить другими шариками, меньшими по величине и весу.

Быстросчету казалось, что он самый маленький шарик. Теперь он это понял, хотя до вчерашнего дня мнил себя хотя бы вторым по величине с конца. Всего типов шариков было пять. Так вот он был вторым с конца, а против него выставили сразу два шара пятого типа. Как с ними биться, он понятия не имел. Привкус поражения, которое он ощутил вчера – горечь страха вперемешку с унижительной кислотой вынужденного смирения – Каум никогда не забудет этого. Он ощущал ее до сих пор на кончике языка. Иной раз он водил им по небу, чтобы напомнить себе. Это было невыносимо.

Варогон изредка подъезжал к нему и внимательно на него смотрел.

В первые два раза его подъезжания, Кауму вдруг так сильно захотелось крикнуть ему «Что смотришь? Я уеду! Уеду! Не смотри!!!», но он переборол свое желание, переходящее в панику, стискивал зубы и молчал.

Если бы он был один – хотя один он никогда не был – тогда, возможно, он плюнул бы, развернулся и скрылся за ближайшим поворотом. Он мчался бы прочь и наслаждался своим предательством. И пусть бы его даже нагнали, пусть свалили бы наземь, напрыгнули и перерезали глотку. О, это было бы проще, чем нынешнее его тяжелое положение.

Сам себе Быстросчет казался приговоренным, которому донесли, что его ждет смерть, но забыли сказать, когда. То, что смертный приговор свершится, не вызывало сомнений. Мучила лишь неопределенность. Когда?

Изведя с равнин еще несколько оттенков зеленого, Владыка закрыл свой желтый пламенеющий глаз. На землю спускались сумерки. Караван, не в пример своему поводырю, воодушевленный произошедшим, расположился в стороне от дороги. Бесчисленные разговоры возбужденных горожан о вчерашней схватке уже обрастали небылицами.

Каум, Ир, Илло и Варогон – все те, кому суровая реальность даровала доверие холкуна, сидели в стороне от лагеря и смотрели в сгустившееся сумерками пространство. От ближайшей рощицы поволокло легкой сизой пеленой. Пора туманов вступала в свои права.

– Мы не скажем, Каум, – дал обет за всех Илло. Он был польщен тем, что холкун призвал его и сидел, гордо выпрямив спину, напряженно вслушиваясь в произнесенные еще слова конубла.

– Я верю вам, – ответил Каум и вонзил в землю кончик кинжала. Некоторое время помолчав, он принялся рассказывать им предысторию нападения и свои догадки. По мере его рассказа лица у слушателей вытягивались. Лишь у Варогона физиономия оставалась безучастной. Он внимательно изучал свой сапог, снимая палочкой с него крупички приставшей глины.

Наконец, холкун рассказал все, что знал, все, о чем подозревал.

– В нехорошее дело ты обернул хорошее дело, – клацнул языком Илло. Он выглядел растерянным. Быстросчету подумалось о том, что, наверное, таким же растерянным его видел вчера брезд.

– Нет в том вины твоей, братец. Отказаться ты не мог, – вступил в разговор Ир, – перечить Аснару... – И он передернул плечами. – Подумать о таком – сражения, столько порубленных – подумать о таком было невысказано.

– Радеть надо не о том, что прошло, – прервал лирику Варогон. – Думать надо, что будет. – И он снова углубился в рассмотрение своих сапог.

– Сказать надо иным конублам об этом. Они сами решат: с нами быть или назад идти, – предложил пасмас.

– Не выбор это, Илло, – покачал головой Каум. – Не останутся они одни на тракте. Привязаны к нам, сам знаешь.

– Ну, когда нет надобности, то и не надо, – снова отсек начинавшуюся лирику брезд.

– Не караван получается, войско прямо-таки, – усмехнулся Ир. Он вытащил топор и стал им поигрывать, подбрасывая вверх.

– Верно сказал, – неожиданно проговорил Варогон. Его сапог с силой впечатался в землю, подняв клубок пыли. – Коли нас на такое поставили, то идти нам не как каравану пристало, но как армии.

– Что ты хочешь сказать? – не понял Каум.

– Многого хочу сказать, – огорошил его Варогон. – Думаю сейчас. С мыслями собираюсь. Только сбиваете своей болтовней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.